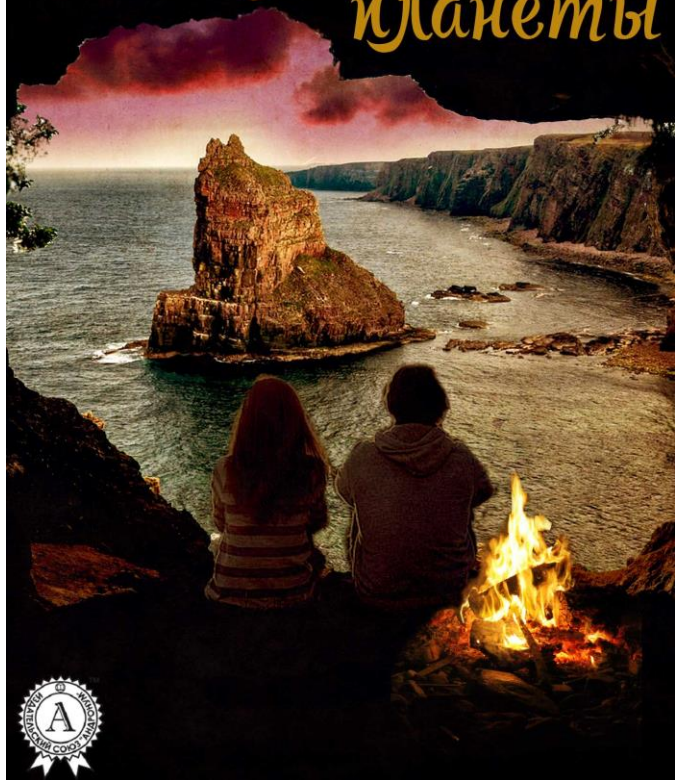

Владимир Лавров

Солнечные дети
тёмной
планеты

Аннотация

Главные герои — десятилетние брат и сестра Лейте и Найва Лунтаевы — живут в пещере вместе с мамой, папой, бабушкой и младшим братом. По утрам всё семейство с несколькими тысячами своих соплеменников выходят из пещеры, чтобы заняться земледелием и заготовить дрова. А по вечерам, если удастся убежать от хищных ящеров, драконов и гарпий, племя возвращается обратно. Главное — успеть до закрытия врат в пещеру, ведь в тёмное время суток снаружи орудуют еще более опасные ночные обитатели — роботы, высасывающие из людей жизненные силы.

Однажды Лейте и Найва находят останки своей погибшей бабушки. С этого дня их жизнь уже никогда не будет прежней. Главным героям предстоит узнать, что случилось с их бабушкой, кто такие эти роботы-высасыватели и, главное, что произошло с их планетой.

Владимир Лавров

Солнечные дети тёмной планеты

Сюжет, характеры, имена — Анастасия Лаврова (возраст на момент создания книги — 9 лет).

Набор текста, технологии, боевые эпизоды — Владимир Лавров.

Вступление

В тёмной — тёмной галактике, в тёмной — тёмной звездной системе, на тёмной — тёмной планете, на тёмном — тёмном острове, в тёмном — тёмном отростке тёмной — тёмной пещеры жила очень светлая семья по фамилии Лунтаевы. Папа у них был очень светлым, и мама была очень светлой, и все дети были светлыми и голубоглазыми. Эта была очень дружная семья, в которой дети думали, что у них самая лучшая мама и самый лучший папа, а родители каждый вечер говорили детям, что у них самые лучшие дети.

Их народ жил на этой земле очень давно, так давно, что все забыли, что было до начала этого «давно». Да и некогда им было думать о таких вещах, поскольку жизнь на острове была очень тяжелой и опасной: неисчислимые опасности

подстерегали любого, кто рискнул бы высунуться из пещеры в неподходящее время, да и подходящее время не очень отличалось от неподходящего. Так люди и жили на этом острове, поглощённые трудностями выживания, до тех пор, пока с детьми Лунтаевых не начали происходить великие и удивительные события. Тут-то история и закрутилась, а потом и вовсе понеслась вскачь, после чего жизнь на тёмной планете стала намного светлее. Но не будем опережать события, расскажем обо всём по порядку...

Глава 1. Как нам не удалось прополоть морковь

Все началось в тот день, когда нас послали полоть морковь, а мы нашли бабушку. Точнее, бабушка нашла нас. Точнее... В общем, в то утро мы, как хорошие послушные дети, незадолго до открытия врат уже стояли с тяпками перед входом в толпе других работников. Как правило, это были дети примерно нашего возраста, но попадались и взрослые.

Да, я забыл представиться. Мы — это моя сестра Найва Лунтаева и я, Лейтане Лунтаев, мы двойняшки. Нам в нагрузку дали нашего младшего брата, его полное имя звучит как «Майлайтин», но чаще всего его зовут «Мася». В детском саду друзья

зовут его «Майта», с недавних пор и мы, когда хотим похвалить, зовём брата так.

«Ребёнку будет полезно погулять на свету», — сказала мама, и дело было решено. Как мы будем полоть морковь, если за этим хныкалкой постоянно нужен глаз да глаз, никто не подумал, но взрослые об этом вообще не очень думают. Маса у нас не по годам любопытный и быстрый. Нет ни одной опасности, в которую он не успел бы влезть за то время, пока вы отворачиваетесь, чтобы глотнуть воды из глиняного кувшина. А для того дела, которое задумали мы с Найвой, такая обуза была вдвойне тяжела, но что поделаешь? Пришлось взять. Вы не подумайте о нас плохо — мы очень любим Майлайтина, но мы уже взрослые дети — нам по девять с половиной, а Маса всего пять, и он не всегда может пролезть там, где нужно пройти взрослым детям. Но хуже всего было то, что Маса решил пригласить на прогулку свою любовь последних двух месяцев (он их меняет в среднем раз в полгода), Милу из дальних пещер. Родители Милы отпустили её с легкостью: у них других детей еще пять. Так мы оказались связаны грузом — двумя малолетками.

Мы живём в самой южной пещере нашего острова. Она называется «Ирлин-семь». Никто не знает, почему она носит порядковый номер, все остальные пещеры нашего мира имеют имена без

цифр. Например, «Варпизина» или «Лапота». Наша пещера весьма обширна и многолюдна, у нас в школах по три — четыре класса каждого возраста, при этом у нас в пещере две школы. На нашем острове есть и более многолюдные пещеры.

Итак, в то утро мы стояли перед вторыми воротами среди других работников, овец, коров и прочей живности. Шум стоял ужасный, хуже шума была только вонь от скота. Мы шёпотом обсуждали с сестрёнкой задуманную операцию. Найва в какой-то древней книге в архивных пещерах вычитала, что в былые времена люди делали духи — настаивали лепестки огонь-цветка на растительном масле, и что женщины очень любили этими духами душиться. Найва любит копаться в древних книгах, наверное, одна из всего нашего народа. Я тоже люблю, но у меня на это мало времени: я занят производством моделей парусных лодок. Я потом вымениваю их у других детей на перья жар-птиц для письма, папирус или на другие полезные вещи. Мама меня за это хвалит: перья и папирус стоят дорого.

Огонь — цветок растет на северном утёсе, прямо над морем. Это довольно редкий цветок, его лепестки обладают приятным сильным запахом. Мы хотим сделать маме духи и подарить на день рождения. Она сможет пользоваться ими сама или сменять на что-нибудь, например, на еду зимой.

Тогда ей не придется болеть, как в этом году, когда родители отдали нам всю еду, а мама заболела от недоедания. Еще можно использовать фиалки, но Найва прочитала рецепт слишком поздно, когда фиалки уже отцвели. Идти до северного утёса далеко, но если постараться, то можно успеть сходить до утёса, вернуться на морковное поле, изобразить прополку и успеть в пещеру до закрытия врат, до того, как вылетают драконы.

Да, у нас летают драконы. Они едят всё, что движется. Кроме драконов, на нашем острове есть огромные ящеры, — те же драконы, но только нелетающие. Кроме них, на деревьях живут белки с ядовитыми зубами, а под землей — злобные гномы. Существуют и небольшие хищные летающие ящеры. Некоторые из них ядовиты. Но хуже всех летающие гарпии, они разумные и умеют говорить. И все они не прочь закусить человечинкой. Особенно детьми. Гарпии наиболее опасны, но и без них вас вполне могут съесть волки, лисы, медведи, забодать рогатые буйволы или затоптать другие милые животные. А ночью на поверхность выползают такие существа, которых боятся все дневные хищники. Мы не знаем, что это за существа, об их присутствии говорят только появляющиеся поутру то здесь, то там скелеты самых страшных хищников со следами огромных зубов на костях. Поэтому ночью все люди прячутся

в пещерах, за двойными воротами из самых крепких материалов. Те, кто не успевают к закрытию врат, ночь не переживают.

По этой причине люди живут только на южном краю острова, там, где есть высокие скалы, в которых можно вырубить глубокие пещеры. Никто не выйдет из пещеры без доброго самострела и хорошего ножа, даже дети. Тех, кто ещё не может самостоятельно натянуть самострел, из пещеры не выпускают.

К пещерам жмутся поля, на которых мы выращиваем продовольствие. Большая часть территории острова пропадает, там живут только ящеры, драконы и дикие звери. Иногда я мечтаю о том, как прогоню всех драконов и распашу земли на всем острове, и тогда у нас будет много — много овса и ржи, а может быть, даже пшеницы... но долго мечтать об этом я себе не позволяю. Нереально.

От построения планов нас отвлек Песта, ябеда и задира. Он решил позабавиться:

— На дальние поля идёте? Не успеете вернуться, вас унесут гарпии, они будут есть вас всем племенем, причмокивать и бросать с утесов косточки, и приговаривать: «Что-то сегодня костлявые попались!» Ведь все Лунтаевы такие худые!

Кое-кто из детей засмеялся, но очень

немногие: Песту все хорошо знали и не любили за вредность. В этот момент стражники закончили осматривать пространство перед воротами и решили, что можно открывать вторые ворота. Огромные дубовые запоры были сняты, и ворота, обитые снаружи железом, начали открываться.

У нас в пещере двое ворот. Внешние ворота сделаны из дерева, они защищают от драконов. Но грубые внешние ворота не смогут защитить нас от гномов и ядовитых белок — эти пролезают даже в маленькие щелочки, а гномы ещё и умеют резать дерево. Против доброго железа они бессильны, но как часто наши воины находили поутру на наружной железной обивке свежие царапины — следы от каменных топоров гномов! Не будь у нас вторых, железных ворот, гномы прорезали бы отверстие и хлынули в пещеру толпой, никаким стражникам не удержать. А так им только изредка удаётся проковырять дырочку там, где железо истончилось от ржавчины, и тогда в пещеру проникают двое — трое гномов, которых легко уничтожают дежурные воины. Наверное, я, когда вырасту, тоже стану воином. Воинам дают красивую кольчугу из стальных колец, шлем с перьями, меч и топор, и все жители пещеры носят им еду. Воины не работают на полях, не полют морковку...

Перед вторыми воротами никого не оказалось.

Воины рывком преодолели расстояние до внешних ворот и оглядели окрестности через маленькие смотровые окошки.

— Драконов нет! Открывай! — подал обычную команду командир караула. Где-то над воротами зашумела падающая вода, и ворота распахнулись. Когда вы живете рядом с драконами, то скорость открывания и закрывания двери может иметь жизненное значение. Поэтому наружные ворота открываются у нас не людьми, а специальным механизмом, к которому проведена труба от озера на вершине нашей скалы. Падающая вода закрывает ворота быстрее, чем человек хлопает ладошкой.

Толпа работников бросила болтать и хлынула из пещеры по разным промыслам, поправляя на спинах самострелы. Все торопились, чтобы успеть сделать хоть что-нибудь до тех пор, пока не упадёт темнота и не выйдут на охоту драконы, ядовитые белки и прочая нечисть.

Считается, что драконы выходят на охоту только ночью. Но некоторые драконы об этом не знают, и тому, кто ходит по поверхности, приходится быть очень осторожным. Впрочем, драконы — не главная опасность. Наземные ящеры могут быть намного более опасными. Или белки. Или гномы. Или волки.

Мы двинулись по тропинке к нашему наделу.

На наше счастье, первое время направления совпадали. Вскоре мы прошли Загородку. Основные поля вокруг всех пещер окружены укреплениями, которые не дают проникать внутрь крупным животным. Где-то это естественные скалы, а где-то — деревянные стены в три роста человека. Вне зависимости от устройства они называются «Загородка». В нашей пещере Загородка образована, в основном, обрывистыми скалами. Для прохода через Загородку устроены специальные мостики, которые на ночь поднимаются. Внутри Загородки выращиваются жизненно необходимые продукты — злаки, иногда клубни. Всякую морковь, фрукты и зелень высаживают далеко за Загородкой. Взрослые, как правило, работают внутри Загородки. Собирают яблоки и пропальвают морковь дети. В этом жестокая правда нашего мира: вероятность погибнуть за Загородкой выше, в этом случае родители смогут родить себе ещё одного ребёнка. А если погибнут родители, умрут от голода и дети.

Когда мы свернули к северному утесу, никто уже не мог нас видеть. Порядок нашего следования всегда один и тот же: впереди Найва, посередине малолетки, сзади я. В руках самострелы, за спинами тяпки и торбочки с лепешками. Так нас учат в школе. Самое опасное место — сзади. Всякая нечисть больше всего любит нападать сзади.

Поэтому последними идут мужчины. Приходится смотреть и вперед, и назад. Два взгляда вперед, один назад. Медленный поворот головы направо — назад, резкий налево — назад. Потом наоборот. Так никакая нечисть не сможет подобраться к тебе незамеченной. Этому учат на уроках природоведения. Мы стараемся учиться хорошо. Найва — отличница. Я... ну, почти отличник. Тот, кто учится плохо, живет очень недолго.

Мася с Милой беззаботно болтали, восторженно обсуждая каждый встречный цветочек. Как же, с ними старшие брат и сестра, значит, ничего плохого произойти не может. Как я хотел бы иметь их беззаботность... Рожицу у пещеры мы преодолели без сложностей, как и положено преодолевать рожицы, бегом. Так белки, удавы или гномы имеют меньше шансов наброситься на тебя из засады. Никого из нечисти не было, только одинокая ядовитая белка шмыгнула за дерево. Летом они неопасны, а вот зимой, когда у них заканчиваются запасы, они могут навалиться сразу большой стаей... Впрочем, в роще у пещеры редко появляется кто-либо из живности. За рощей начиналось ржаное поле семьи Баевых. Мы немного расслабились.

— Как думаешь, может, принесем маме несколько огненных цветков целиком? Мама будет рада. Скажем, что нашли у поля, — внезапно

предложила Найва.

Я обдумал это предложение со всей серьёзностью.

— Нет, догадаются, ругать будут.

— Ага, — легко согласилась Найва.

Я заметил во ржи шевеление. Кто-то пробирался к нам в глубине травы. Я произнес краткий условный сигнал, и мы замерли. Мой самострел и самострелы малышей направлены на рожь, Найва целится в другую сторону. Шевеление может быть отвлекающим маневром. Неведомая зверушка передумала идти в нашу сторону и то ли ушла, то ли затаилась. Мы продолжили движение.

День был прекрасен. Это был не тот жаркий летний день, когда от жары не хочется даже думать, а один из тех дней, когда тепло настолько, что даже ветер с океана не холодит, но при этом и не жарко. Наши малыши наслаждались теплом со всей возможной силой. Они разбаловались так, что несколько раз чуть не сошли с тропинки. Пришлось пару раз призвать их к порядку. Вторая заповедь, которую нам внушают на природоведении: «Никогда не сходи с тропинки». А первая — «Если увидел дракона, то убегай, не оглядываясь».

До северного утеса мы шли больше часа. Маса с Милой никогда ещё не заходили так далеко от пещеры, а тем более, никогда не видели панорамы Внутреннего моря с северного утеса. Они пришли в

восторг от видов. Скажу честно: там есть, на что посмотреть. Наш народ редко ходит сюда, поля лежат намного ниже. Тут нет ничего полезного, хотя и очень красиво. Но нашему народу некогда думать о красотах, а тем более любоваться на них.

Мы с Найвой принялись за сбор лепестков огненных цветков. Малолетки наохались вволю и решили присоединиться. Впрочем, пользы от них было очень мало: ну зачем, зачем нужно каждый лепесток подносить к глазам, разглядывать по минуте, и только затем класть в мешок? Мы с Найвой успевали собрать, наверное, в сто раз больше, чем наши пятилетки. Но мы все равно их хвалили.

Приготовленные для лепестков торбочки быстро заполнялись. Ещё немного — и мы сможем пойти полоть морковь. Вдруг Мила испуганно спросила: «Ой, кто это?». Мы с Найвой подняли головы (малыши работали чуть выше по склону, там, откуда они ранее наблюдали море). Малыши стояли и смотрели на что-то среди камней, недалеко от убежища. У меня отлегло от сердца: если бы они смотрели в небо...

В траве, среди цветов, обнаружился человеческий костяк, на котором сохранилась совсем тонкая, ссохшаяся кожа и немногие клочья плаща. С ужасом мы с Найвой смотрели на костяк. Скорее всего, дракон или один из хищных ящеров

загнали бабушку в убежище, продержали там до темноты, а ночью её и застал Сгусток Тьмы. Последний раз бабушка, когда уходила, то говорила, что идёт собирать лечебные травы. Мы искали её в низинах, где обычно собирают разную ромашку... а она, оказывается пошла за высотными травами.

Об этом явлении говорили только шепотом, когда взрослые не слышали, а детям хотелось попугать друг друга. Главный Ведун говорил, что такого не бывает. Старая, страшная легенда про Сгустки Тьмы. Как будто у двоих воинов, которые сторожили ночью ворота, однажды погас факел. А когда второй воин зажег факел, то увидел, что его товарищ умер — и не просто умер, а превратился в иссохшую оболочку с голыми костями, как будто что-то съело его изнутри. Рассказывали, что Сгустки Тьмы подкрадываются только в темноте и высасывают из человека жизнь.

Все взрослые говорят, что этого не бывает и что это детские страшилки. Но у воинов, которые охраняют ворота, почему-то всегда горят два факела и одна масляная лампа, а у вторых ворот все щели всегда затыкают на ночь маленькими веревочками и обмазывают глиной. Теперь мы видели, что все самые ужасные сказки про Сгустки Тьмы подтвердились. На лужайке среди прекрасных алых цветов лежали останки нашей

бабушки.

Бабушка пропала примерно год назад. Дедушка тогда очень горевал. Для нашего народа это частое событие: люди уходят и не возвращаются. Кого-то перехватывают драконы, некоторым под одежду заползают ядовитые гусеницы, кто-то засыпает на поле от переутомления и не успевает к закрытию врат. Отставших у нас не ждут: ворота должны быть закрыты к определённом времени, иначе может погибнуть все племя. Об этом знают все, даже дети.

— Почему вы молчите? — спросил Масы. Он не помнил бабушкин плащ и не узнал погибшую. Мы с Найвой помнили очень хорошо. Знать, что бабушка пропала — это одно. А видеть её вот так — это совсем другое. Бабушка лежала недалеко от входа в убежище, подогнув под себя одну ногу — видимо, упала так, как бежала.

И тут из костяка выплыло привидение. Мы обмерли. Приведение — почти бесформенный комок тумана — принялось размахивать чем-то похожим на руки, предлагая обернуться. Ага, знаем мы эти шутки. Мы обернемся, а оно налетит на нас сзади и высосет из нас души. Пусть уж лучше убивает с лица. Но привидение настаивало.

— Найва, обернись, — попросил я.

Сестренка обернулась и взвизгнула: «Дракон!». Тут уже мы все бросили пялиться на

привидение и обернулись. В небесах, красиво закладывая переворот вверх брюхом, заходил охотничьим разворотом розовый дракон. И охотился он на нас.

Наш народ везде, где только можно, строит убежища от драконов. Иногда это каменные домики — склепы с небольшим входом, но чаще это просто прорезь или расщелина между двух камней — такая узкая, чтобы мог поместиться человек, но дракон не мог просунуть лапу. Дедушка один раз выжил благодаря такому убежищу — дракон сумел зацепить его когтем за одежду, немного вытащить и откусить только ногу. Теперь дедушка ходит с костылем и только по пещере. Наверх он почти не выходит.

Одно из таких убежищ находилось прямо перед нами, на скале, второе — у подножия холма. Мы припустили к ближайшему убежищу. Убежище рассчитано на одного, максимум на двух человек. Детей там может поместиться от силы трое, но никак не четверо. Но мы об этом не думали. Одно из главных правил нашего народа — действуй и надейся на лучшее. Кто выжил, тот и молодец. Если кто-нибудь из младших отстанет, ты родишь ему на замену двоих детей.

Мася и Мила подбежали к убежищу первыми, мы с Найвой почти одновременно. Я забрал у всех самострелы — не для борьбы с драконом, шкура

дракона нашими самострелами не пробивается, я забрал их для экономии места. Мне оставалось только бежать к подножию холма. Быстро, не оборачиваясь и петляя как можно резче. Моих ушей достиг отчаянный вопль — прощание: «Лейтане!». Уж лучше бы Найва молчала!

Из-под земли начал подниматься туман. Туман? Посреди солнечного дня? Откуда-то послышалось странное пение, оно слышалось даже не ушами, а в самой голове. Это было очень странное пение: как будто все мертвецы всей земли пели о том, что тратить множество сил на выживание и получать за это лишь боли и страдания не надо, а лучше лечь и отдохнуть, желательно навсегда. Я почувствовал, что мышцы меня перестают слушаться. Последнее, что я смог сделать — это обернуться и посмотреть на дракона. А потом я превратился в статую и перестал что-либо слышать.

Дракон неторопливо сел около убежища, попытался достать детей. Из-за тумана мне было плохо видно, что именно там происходит, но хорошей видимости и не требовалось. Дракон вскоре бросил свои попытки и подошел ко мне, понюхал, попытался царапнуть когтем по ноге. Плащ разорвался, но по ноге коготь проехал так, будто она каменная. Ни одной царапинки не осталось! С каких это пор коготь дракона не может

пробить мою кожу?

Дракон пофукал, чихнул и пошел на взлёт, искать добычу в другом месте. Туман остался. Я простоял целый день и потом целую ночь, и всё это время мои нервы ничего не стоили. Я уже думал, что придётся так стоять вечно. Насколько я мог видеть, брат, сестра и Мила из своего убежища тоже не выбирались. За это время мимо нас прошла пара хищных ящеров, пролетели вдалеке гарпии. С наступлением ночи прошла группа гномов с их грубыми каменными топорами. В туман, который стоял только на вершине утёса, гномы заходить не стали. Один из гномов рискнул приблизиться, но стал пошатываться, и его тут же оттащили товарищи. Они даже не стали подбирать выпавший каменный топор. Я подумал, что гномы немного знакомы с туманом, если знают, что его нужно опасаться. Когда ночь сгустилась, на опушке леса проползло существо, больше всего похожее на змею, но у него были маленькие ручки. Толщина его тела была, наверное, вдвое больше, чем у человека, а длина просто ужасала. Пробежала стайка странных серых обезьян. Странность их была в том, что обезьяны обычно не спускаются с деревьев — на земле их выживание почти невероятно. Про таких существ мы даже не слышали.

Отмерли мы только на следующее утро, с

восходом Светила. Я никогда ещё не бывал так рано снаружи пещеры, да и никто из нашего народа не был. Восход был прекрасен. Сначала я понял, что могу слышать, а потом начали шевелиться руки и ноги. Удивительно, но я чувствовал себя отдохнувшим, как после хорошего сна, только ноги и руки сильно затекли. Пришлось плюхнуться на траву и ждать, пока пройдут иголки в мышцах. Когда я смог встать, зашевелились и мои родные в убежище. Они тоже превращались в камень на это время. Думаете, они плакали? Они ругались и спорили, кто кому больше отдал ногу. В этом все мы: спасите нас от смерти, и мы тут же начнём спорить, кто больше виноват в том, что мы туда попали.

Я пошел к убежищу, троица двинулась мне навстречу. Призрак над костями бабушки был тут как тут. На этот раз он намного больше походил на человека. Добившись нашего внимания, он стал делать руками такие движения, будто кладет что-то на скелет и высекает искры из огнива. Первой догадалась Найва.

— Это наша бабушка. Она хочет, чтобы мы сожгли её скелет и отпустили её дух. Она хочет получить свободу.

Призрак согласно закивал. А затем показал символ долгого времени.

— Она хочет, чтобы мы не торопились.

Призрак опять закивал. А затем пропал.

Мы пошли к пещере. Пришлось немного подождать, пережидая в роще прохождение дюжины ящеров — хищников, которые надеялись подстеречь неосторожных людей около пещеры. У пещеры мы подстрелили несколько гномов, которые вылезали из-под первых ворот — очевидно, после безуспешных попыток повредить вторые ворота. Гномы сообразили, что после того, как ворота откроются, из них выйдет много сердитых дядек. Боя они не приняли, разбежались по своим норам. Хотя, честно говоря, навались они на нас всем своим числом, они бы нас задавили. Наши самострелы — не самое скорострельное оружие, хотя из них и можно стрелять, как из лука, натягивая тетиву не лебёдкой, а руками. Стреляют при этом не арбалетными болтами, а небольшими дротиками, которые подаются из специального подпружиненного магазина под самострелом. Вообще-то это оружие против белок, но гномов им тоже можно подстрелить, если попасть в те места, которые не закрыты многими слоями шкур.

Именно так мы их и перестреляли. Нам повезло — они вылезали из маленьких щелей первых ворот по одному, выбеги они все вместе — нам пришлось бы спастись бегством. Даже Маса положил двоих.

Через несколько минут ворота открылись.

Первое время все стоявшие в пещере люди — и воины, и работники, — не двигались с места, разглядывая нас круглыми глазами. Глаза у них были большими — большими и круглыми — круглыми. У всех, и у воинов, и у взрослых работников, и у детей, и даже у овец с коровами. Ещё бы: за многие десятилетия мы были первыми, кто провёл ночь вне пещеры и остался жив. А ещё перед воротами лежало множество тел гномов, которые, как известно, славятся быстротой, ловкостью и прыгучестью. Знаете, как это выглядит, когда на вас смотрит несколько сотен пар удивленных глаз? Никогда не забуду этой картины.

Потом на нас долго кричали: сначала ругали за баловство, потом плакали от радости, потом опять ругали за сказки о привидениях и Сгустках Тьмы, потом опять плакали от радости, но это уже совсем другая история. Про существование Сгустков Тьмы и бабушкиного привидения нам не поверили.

Глава 2. Сгустки Тьмы нападают

На следующий день мы запасали дрова на зиму. Начался день со смеха и ругани. Смеялись мы, ругались родители. Суть дела была в том, что наша кошка Туся каким-то образом спелась с нашей собакой Натой и за завтраком спихнула той с

разделочного стола кусок мяса. (Тусе разрешалось запрыгивать на разделочный стол). Мама, которая отвернулась на секунду, даже не заметила в первый момент пропажи. Кошка сидела на месте и изображала полную безмятежность. Собака в это время бочком — бочком покинула кухню. Мы наблюдали эту сцену из-за обеденного стола и с интересом ждали, когда мама заметит исчезновение мяса.

Через несколько секунд кошка поднялась и неторопливо ушла, очевидно, за своей долей добычи. Мама хватилась пропажи только через минуту, когда уже зашипела сковорода. Сначала мама проверила пакет, потом задумчиво сказала: «Вроде выкладывала?» Первым не выдержал Мاسя:

— Его кошка с собакой украли!

— Как?

Мы засмеялись и пересказали историю. Мама рассердилась и сказала, что хотела пожарить нам мясо на обед, с собою, и что теперь мы будем есть только сыр. Мы данному факту были только рады: кусок, что принесла мама, наша семья получила после раздела мяса одного бизона, случайно убитого охотниками, а мясо у бизонов не самое мягкое. Есть сыр гораздо приятнее, особенно тем, у кого ещё шатаются некоторые молочные зубы. А вот папу история совсем не рассмешила, он предпочёл бы мясо. По дороге к роце папа измучил

нас с Найвой таблицей умножения, которую мы давно прекрасно знали.

Мы с папой подрубили деревья, оттаскивали в сторону и распиливали на чурбачки, женщины с Масей обрубали ветки и тоже пилили.

День клонился к вечеру, горка чурбачков радовала взгляд. Мы сидели на поленьях и перекусывали, когда кое-что произошло. Найва долго смотрела на маленькую точку в небе, потом сказала:

— Кажется, он снижается.

Все подхватились, чтобы бежать в лес, но это был не дракон. Мы долго не могли понять, что это такое, пока не стало ясно, что это летающий корабль. Он был огромен! Он был больше тех кораблей, которые привозили нам по морю железо и другие полезные вещи. Но это, несомненно, был корабль: такое большое количество непонятных выступов, загогулин и пристроечек ни на одном живом существе не возникнет. Кроме того, он сиял, как отполированная сталь. Корабль сел между нами и лесом, отрезая нам пути к бегству: позади нас находились скалы (в которых, впрочем, было несколько убежищ).

Меня удивил рисунок на борту корабля: три горизонтальные полосы — белая, синяя, красная — а посередине человек, скачущий на чём-то типа коровы и поражающий копьём дракона под ногами

коровы. Человек был облачён в металлическую одежду, видимо, этот народ умел делать такую одежду из металла, которая могла выдержать удар дракона. Почему-то я подумал, что на этом корабле могут быть только хорошие люди, раз они выбрали своим символом человека, способного побеждать драконов.

— Самострелы к бою. На счёт три бежим к убежищам, — скомандовал папа.

— Я думаю. не придётся, — сказал я, — посмотри на их рисунок на борту. Папочка сощурил глаза — от постоянной работы с мелкими деталями и чертежами видел он уже не очень хорошо. Пришлось ему описать человека на корове. Папочка удивился.

В борту корабля открылась дверь. Забавное дело: она откинулась вниз, а потом разложилась вдвое, становясь тем самым удобными сходнями для пассажиров. Из корабля вышли три фигуры, закованные в сталистую одежду и огромные шлемы. Наверняка это были шлемы — не может же у человека быть такая большая голова, правда? Папочка направил на них самострел. А самострел у папочки изрядный — с настоящими стальными рогами, не ореховая дешёвка, как у нас, у детей. Фигуры подняли руки кверху, демонстрируя отсутствие злых намерений. Одна из фигур что-то сказал и нажала на шлем. Верхняя часть шлема

откинулась, открывая довольно милостивую женщину.

Это, несомненно, была женщина. Мягкие, тонкие черты лица, выступы на груди. Она была милостива, несмотря на то, что уши у этих людей были очень смешными. У нашего народа уши наверху, большие, треугольные, с кисточками. Это очень удобно, ими можно передать целую гамму чувств. Да и слышно всё, что нужно, за километр. А если сложить треугольничком внутрь — то ничего не слышно и можно спать, как бы домашние не шумели. У этого народа уши были по бокам и маленькие — маленькие, почти как у гномов, у которых ушей совсем нет — только дырочка в черепахе. Как они ими что-то слышали, не представляю. Но если им так нравится, то пусть так и будет. За то, что они научились делать летающие корабли и прилетели к нам, я им отсыплю целый мешок самых лучших орехов, и совершенно бесплатно.

Двое других летающих людей тоже сняли шлемы. Эти, похоже, были мужчинами. Немного коверкая звуки, один из них произнёс:

— Мы пришли с миром. Мы будем помочь.

Ух ты, они и говорить ещё умеют! Впрочем, чему я удивляюсь? Как бы они смогли построить корабль, не умея говорить? А вот папочки с мамочкой удивились так, что не смогли ничего

сказать. Не слыша ответной речи, я посмотрел на них и увидел, что папа пытается что-то сказать, но ничего вымолвить не может, а мама вообще «поплыла», даже ушки сложены. У меня такое в жизни было только один раз, когда меня спросили, кто уронил банку с мёдом (все наши запасы на зиму) на банку соли и разбил обе. Впрочем, это было давно и я был тогда намного младше.

— А вы покатаете нас на корабле? — спросил я.

Троица летающих людей переглянулась и — будь я проклят — засмеялась удивительными, лающими звуками. Папочка отмер и отвесил мне подзатыльник: не попрошайничай!

— Я много чего должен у вас спросить, — сказал он.

— А мы много чего должны вас учить, — ответили летающие люди. Потом они немного посоветовались между собой, и пришли к единому мнению:

— Ваш маленький высказал хорошую идею. Давайте мы вас немного провезём на нашем корабле над вашим островом, вы посмотрите на него сверху. Заодно и поболтаем.

— Дракон, — сказал Майлайтин. Он, как хорошо воспитанный мальчик, во время разговора смотрел в противоположную сторону. Так нас учат: если все рядом с тобою смотрят в одну сторону, ты

должен смотреть в другую.

Огромный дракон пикировал на нас. Он даже не стал разворачиваться и падать вертикально, как они это обычно делают, он просто открыл пасть и нёсся на нас, надеясь зацепить своими клыками хоть кого-нибудь. Что-то много в последнее время стало драконов, способных летать днём. Раньше они только вечерами были опасны.

Один из летающих людей достал из кармана на бедре продолговатую палку и направил на дракона. Палочка издала резкий отрывистый звук. Голова дракона отделилась от шеи и упала, не долетая корабля. Тело врезалось в корабль и сползло на землю, истекая кровью.

Световой самострел! Он отрезал голову дракону на расстоянии! Вот бы нам такие!

Женщина пришельцев сказала стрелявшему что-то неласковое — очевидно, выругала за то, что тот допустил падение дракона на их корабль. Стрелявший пожал плечами и ответил коротко — извини, мол.

— Э-э..., — сказал папа, глядя на световой самострел.

— И этому научим тоже, — понял его невысказанный вопрос пришелец.

— Вы могли убить нас сто раз, — констатировал папа.

— Мы не убиваем тех, кому помогаем.

— Тогда, я думаю, нам будет безопасно подняться на ваш корабль, — вслух подумал папочка. Пришельцы разулыбались. Они даже улыбаются так, как мы!

Внутренности корабля меня потрясли. Если снаружи корабль был оформлен единым сталистым цветом, то внутри он выглядел совсем иначе. Материалы были самые разные, местами даже виднелись вставки из дерева. Но насколько же продуманно выглядели все вещи, находившиеся в корабле! Гладкие кресла! Они так и манили своими изгибами, хотелось развалиться на них в самой расслабленной позе. Полированные стены отражали свет ярких и — о, чудо — бездымных светильников в рифлёном потолке. Поручни были гладкими и имели закруглённые кронштейны крепления к стенам. И эти кронштейны сияли желтоватым металлическим светом — я никогда не видел такого металла! А на ощупь он был тёплым, как дерево.

Мы сразу поняли, насколько серой и неустроенной была наша пещера. Нам никогда не пришло бы в голову делать стены вертикально ровными да ещё и полировать их. По сравнению с нашей пещерой этот корабль был верхом роскоши.

Но больше всего потрясена была мама. Когда я подошел к ней, она смотрела через открытую дверь на внутренности небольшой каюты. Я заглянул внутрь. На небольшом бежевом диванчике

с выпуклой мягкой спинкой лежало небрежно брошенное шерстяное одеяло — плед. Очевидно, это была каюта дамы. Одеяло было как две капли воды похоже на одно из тех, которые делали наши женщины, только рисунок тоньше и ярче. Ещё в каюте было много полок с прозрачными дверками, на них стояли разные коробки с картинками. Над диваном висела картина — огромные, по десять этажей дома на берегу большой реки, по набережной идут люди. Картинка была волшебной — при взгляде на неё казалось, что она объёмная, а при виде сбоку было видно, что она плоская.

— Живут же люди, — шёпотом сказала мама, — а мы тут как крысы под землёй прячемся.

— Обстановка у нас простенькая, корабль маленький, разведывательный, — сказал один из мужчин, — так что показывать особенно нечего. Проходите в рубку, лучше будет видно полёт.

Перед входом в корабль пришельцы всем выдали специальную плёнку, её нужно было обернуть вокруг себя целиком. Только так, объяснили они, можно войти в корабль — иначе преграда на входе в корабль убила бы нас. Преграда выглядела как светящийся туман, когда я проходил через неё, мне послышалось лёгкое гудение. Теперь, сжимая мотки этой плёнки, мы столпились у задней стенки рубки. Даже взрослые засмутились и жалась друг к другу.

— Не стойте так плотно, иначе при взлёте вас может разметать по рубке. Прислонитесь к стенке и держитесь за вертикальные рукоятки, привяжитесь верёвками, которые мы для вас на них навязали, — объяснил пришелец, пока его руки бегали по панели управления.

Панель управления — огромная, загадочная, горевшая сотней разных огоньков, поразила меня в самое сердце. Как бы я хотел сидеть за такой панелью и управлять чем-нибудь таким великим и загадочным!

А вот окошки у пришельцев были какими-то странными. Их было много, и они смотрели в разные стороны. И это при том, что мы находились в самом центре корабля, а никаких окошек снаружи — кроме нескольких у входа — я не видел. Как в них попадал свет — уму непостижимо. Но он как-то попадал, пришельцы могли видеть, что происходит и впереди, и с боков, и сзади! Свет в этих окошках был каким-то странным, он почти не давал тени.

— Взлетаем, держитесь, — скомандовала нам женщина. Сами пришельцы сидели в креслах — причём не простых, а даже с подставками под головы, — и были пристёгнуты ремнями.

Корабль дрогнул. Больше ничего не изменилось, только через странные окошки стало видно, как земля начала отдаляться. Взлетев на

высоту десяти или двадцати деревьев, корабль пошел в сторону побережья, а затем вдоль берега. Мы с Найвой и Масей смотрели во все глаза. Так далеко от дома мы ещё никогда не были! За несколько минут мы долетели до Макланты — пещеры соседнего племени (по суше до неё ехать два дня) и миновали её, направляясь к северному краю острова. Ну и скорость у этого корабля!

Папа в это время разговаривал с пришельцами. Они рассказывали, что уже давно наблюдают за нашей планетой, что по всему нашему острову расставлены передающие устройства, которые передают изображение со звуком на спутники, которые летают над планетой, и так они выучили наш язык. Для меня это всё было абсолютно непонятной тарабарщиной, особенно про наш язык. Разве в мире бывают другие языки?

Дальше речь пошла о совсем непонятных вещах: об источниках энергии, о самодвижущихся экипажах, устройстве материи и прочих скучных взрослых вещах. Я совсем потерял нить разговора и стал смотреть в окно. А там было, на что посмотреть — мы огибали северный край острова, место, на котором никто из нашего народа не бывал никогда. И вдруг я увидел такое, что не поверил своим глазам.

— Найва, ты видела?

— Что?

— У северного края острова есть скалы! И много!

— Ну и что? — и немного погода, — А!

Наличие скал на северном берегу говорило о том, что мы сможем когда-нибудь организовать там свою — новую! — пещеру! Мама прислушивалась к разговору папы и ничего не заметила. Немного погода я спросил у пилотов:

— А ваш корабль на чём работает, на дровах или на топлёном масле?

Пришельцы почему-то засмеялись. Вдруг мама забеспокоилась:

— На улице уже должно быть темно. А сколько времени?

— Уже темно. Мониторы отображают реальность, которую наружные камеры видят в инфракрасных и ультра — фиолетовых лучах. Поэтому кажется, что светло. Но вы не беспокойтесь, мы доведём вас до пещеры под охраной, никто на вас не нападёт.

Мама успокоилась, на зато начали беспокоиться мы с Найвой. Мы ЗНАЛИ, что драконы отнюдь не самые опасные существа на нашем острове.

— Нам наперерез идёт дракон, — немного удивлённо сказал второй пилот, тот, что был чуть пониже и сидел слева.

— Так поджарь его, — спокойно откликнулся

первый.

И тут корабль содрогнулся, как от удара, на приборной панели замелькали красные лампочки. Пилоты принялись что-то кричать друг другу, на одном из центральных окон вдруг появился белый прямоугольник, который наехал на дракона. Изображение дракона почему-то увеличилось. В следующую секунду дракон вспыхнул и обрушился на землю кусочками обугленной плоти. Изображение отъехало обратно, открывая панораму моря и леса. У них что, окна могут ещё и приближать?

— Что у вас за драконы? — спросил один из пилотов, — Он сейчас пальнул по нам энергетическим оружием из установки на голове.

Папочка подтвердил: да. драконы могут излучать огонь, но только очень редко пользуются этой способностью, поскольку для охоты она бесполезна — на месте цели остаётся только кучка пепла. Изредка они применяют её для боёв друг с другом или с особо нахальными наземными ящерами.

— Нас учат этому на уроках природоведения, даже в детском саду, — похвастался Мася.

Пилоты переглянулись и принялись что-то оживлённо обсуждать на своём языке. А потом сказали очень удивительную вещь:

— Похоже, ваши драконы созданы людьми.

Этим они удивили даже папу. Потом пришельцы высадили нас там же, где и подобрали. Нас опять провели в защитной плёнке через барьер на входе, плёнку пилоты забрали. Двое из пришельцев пошли с нами, девушка стояла у сходней и махала рукой. Мы почти дошли до леса, когда из ниоткуда возник призрак бабушки и замахал нам руками: бегите! Мы с Найвой и Масей второго приглашения ждать не стали и припустили со всех ног. Папочка с мамочкой немного протормозили, но потом решили последовать нашему примеру. Тут появились Сгустки Тьмы. Я сначала даже не понял, что это они. Просто на фоне леса появились три чёрных пятна, три чёрных пятна без бликов и отражений, как будто дыры в ткани мироздания. Сгустки Тьмы метнулись к пришельцам — те после нашего рывка оказались к ним ближе всего. Пилоты разрядили в них свои лучевые самострелы, но без какого-либо эффекта.

Тут я опять услышал знакомое пение. Из-под земли начал подниматься туман. Тело окаменело, слух пропал. Падая на землю (на этот раз я окаменел намного быстрее, прямо в позе бега), я увидел, как две тени вцепились в пилотов, а третья метнулась к девушке. Пилоты осели на землю, девушка успела забежать по трапу в люк, когда тень догнала её. Вместе они пересекли защитное поле. Тут я впервые увидел, как гибнет Сгусток Тьмы.

Пожрав девушку, он поднялся над ней, но попал в лучи света и разорвался изнутри на множество мелких чёрных клякс.

Два других Сгустка Тьмы выползли из скафандров пилотов и неторопливо поплыли по воздуху куда-то на восток, в направлении материка. Корабль остался стоять, где и был. Из его окон и входного люка продолжал литься мягкий свет.

Как и в предыдущий раз, мы пришли в себя только с восходом Светила. Папочка не стал сразу возвращаться в пещеру. Задумчиво постояв над телами пилотов, он решил:

— Мы должны выжечь все останки и забрать их металлическую одежду в пещеру.

Ответом ему было четыре изумлённых взгляда, но мы с папой не спорим. Для папы, наверное, очень важно попытаться разобраться в устройстве этой одежды. Ведь мой папа — один из основных механиков нашего племени. Все самострелы, подъёмные устройства и даже лодки — это его забота. Вскоре поленица дров с пришельцами наверху уже пылала. Пока огонь делал своё дело, я прошел ко входу в корабль. Мама предупреждающе заворчала.

— Я не буду входить в корабль, — пообещал я.

Защитное поле гудело и слегка потрескивало на входе. Девушка лежала по ту сторону люка, от

неё, как и от пилотов, осталась одна сухая оболочка. На полу вокруг девушки кое-где виднелись чёрные горстки пепла — всё, что осталось от Сгустка Тьмы. И тут из скафандра девушки поднялся её призрак. В отличие от призрака бабушки, этот был бесформенный и бестолково метался, а затем пропал. Похоже, бедняга испугалась. Я бы на её месте тоже испугался. Впрочем, я и так испугался и пятился до тех пор, пока не упёрся в папу у костра. Папочка истолковал мой испуг неправильно:

— Не плачь, малыш, они искали судьбы с честью и нашли её.

Из костра встали два призрака пилотов. Эти были похожи на себя с абсолютной точностью. Они начали подниматься и истаивать. Один из них поднял руку, помахал ею и улыбнулся. Тут уже все мы заплакали. И зачем только он махал рукой?

Призраки поднялись к небу и исчезли. Оказалось, что папа и мама не видели призрака бабушки — не могли её видеть, зато призраки тех, кто исчезал навеки — пилотов — увидеть смогли.

Потом папочка потратил полчаса на попытки научиться пользоваться самострелами пришельцев. Бесполезно — они оставались просто кусками металла. Когда металлическая одежда пилотов остыла, мы вытряхнули из неё всё содержимое в костёр и закопали пепел. Чуть позже мы поставим

здесь могильный камень.

Возвращение в пещеру с вестями о летающем корабле и погибших пилотах повергло племя в шок. Но шок быстро прошел, когда папа упомянул о сбитом драконе. Весь день наше племя рубило тушу дракона (то, что от неё осталось после ночных хищников) и перетапливало жир. Дракониий жир — самая лучшая заправка для масляных ламп, он почти не коптит и не воняет, не то, что все остальные жиры. Ещё неплох жир китов, куски которых иногда выкидывает на наш берег после того, как ими пообедают гигантские акулы или головоноги. Жаль, что и те, и другие нам достаются очень редко.

К кораблю приблизиться не посмел никто. Тот факт, что мы с Найвой приближались безбоязненно, создал нам славу безголовых храбрецов. С этого момента жители племени начали сторониться нашей семьи. Никто не поверил, что ночные хищники просто не стали нас есть, а мы не рассказывали, каким образом спаслись. Не говорить же вслух, что нас превратил в камень призрак бабушки? Согласно учения Главного Ведуна, призраков не бывает. С нами, с детьми, перестали играть в школе, папу и маму больше не приглашали на свадьбы и другие праздники. Только несколько старых друзей продолжали общаться с нами.

Глава 3. Бабушкины сказки

— И тогда неуспокоенный мертвец встал из могилы, схватил дядьку Ватуру за ноги, затащил в могилу и перекусил ему горло, — закончила бабушка Марта долгую страшную сказку. (Это была не наша бабушка, а бабушка просто так).

Найва и её подруга — Макуната Октаева — даже шить перестали от страха. Как, впрочем, и большинство сидевших вокруг бабушки Марты девушек и детей.

— Охота вам придуманные страхи пережёвывать, реальных вам не хватает, — недовольно пробурчал папа, проходя мимо.

— Интересно! — протестующее воскликнула Найва, — А потом, так и работать быстрее.

Свет в нашем мире стоит дорого. Масляные лампы потребляют слишком много масла, и поэтому, чтобы сэкономить драгоценный продукт, все, кому нужно делать какую-либо мелкую работу — шить, вязать или вырезать ножом, собираются в большой пещере. В незапамятные времена люди просто сидели группками вокруг ламп и делали свою работу. Теперь такого нет, мы теперь — очень культурная пещера. Теперь все дети и многие взрослые имеют обязанность во время общей работы петь, плясать, играть музыку или рассказывать сказки со сцены. Получается очень

весело: и работа, и отдых в одно и то же время.

Именно по этой причине мы с Найвой, Макуной и моим дружкой Серым сидели в общем зале и мотали наручные украшения для Найвы и Макуны. Им послезавтра и ещё много вечеров после танцевать на сцене в бальных платьях, со специальными мохнатыми шариками на руках. Вот эти-то шарики — сшитые особым образом полукруглые кусочки тканей и шкур — мы сейчас и создавали. Найва и Макуна шили платья для выступления, я помогал Найве, а Серый помогал мне. Серый — мой лучший друг, полностью его зовут Серофан, а фамилия Висалу.

Я очень горжусь Найвой — она ходит в кружок танцев и умеет много такого, чего обычные люди не умеют. Например, садиться на шпагат или долго кружиться на одной ноге. Я один раз так попробовал, закружился и упал. Найва долго тренировалась, несколько лет, и это будет её первое выступление. Меня не взяли ни в танцы, ни в музыкальные группы — сказали, ни растяжки, ни слуха. А сказки я пока придумывать не умею, это вообще обычно дело стариков.

Сидевшая около бабушки Марты молодая девушка — её звали Инира, она только в прошлом году закончила школу, то есть восьмой класс, — испуганно спросила:

— А неупокоенные мертвецы вправду

бывают?

— У нас на острове чего только нет, может, и мертвецы оживают, — ответила бабушка Марта.

— Не бывает ни оживших мертвецов, ни призраков, — сказал папа, отчаянно стругавший в отдалении какое-то приспособление.

— Призраки бывают, — дружно сказали мы с Найвой.

— Мало вам попало за эти рассказы?

— Ты же сам видел пилотов из костра!

— Так это их души уходили! Они умерли, и всё. А такого, чтобы души ходили и из людей кровь выпивали — такого не бывает.

— А мы такого и не говорили, — обиделась Найва.

Песта, бездельничавший в отдалении, сразу обрадовался случаю сказать гадость:

— Смотрите, смотрите! Лунтаевы друзья призракам и с неуспокоенными мертвецами на охоту на гномов ходят!

— Ты это меня имеешь в виду? — спросил папа.

Песта сообразил, что наш папа — тоже Лунтаев, и быстренько скрылся в дальнем ходу. Мы засмеялись — было трудно не посмеяться на врединую Пестой. Но нам теперь придётся быть осторожными — этот Песта был противным типом, он наверняка попытается отыгаться за осмеяние.

В следующий момент все разговоры стали невозможны, поскольку оркестр завёл свою музыку. Сегодня был день музыки, а бабушка Марта рассказывала свои истории не со сцены, а просто так. Под музыку мы быстро и весело доделали пушистые мотки для Найвы и Макуны. После работы мы с Серым пошли в нашу пещеру играть в «волков и зайца». Найва осталась в большой пещере, поскольку там появился Парка — её парень, которого она прилюдно называет женихом. На мой взгляд, отношения Парки с Найвой — это дорога с движением в одну сторону. Найва без ума от парня, а тот к ней скорее равнодушен, хотя ему, несомненно, льстит её внимание. Вот и сейчас он появился строго в тот момент, когда вся работа уже была закончена. Мог бы придти и пораньше, помочь подруге.

Игра в «волка и зайца» очень проста — играют на чёрно-белом поле восемь на восемь, волков четыре, заяц один, все ходят только по чёрным. Волки в начале игры выстраиваются вдоль края, зайца ставят посередине. Хитрость игры в том, что заяц — при правильном поведении — всегда выигрывает. Мне этот фокус показал папа, уже давным-давно. Серый этого понять никак не мог. Я обыграл его пять раз, когда он всё-таки решился спросить:

— А это правда, что вы с Найвой призраков

бабушки и пилотов видели?

После нашего приключения мы рассказывали о корабле всему племени со сцены, но про призраков не упоминали. Согласно учению нашего народа, призраков не существует, и Главный Ведун — суровый старик, который возносит за всё племя молитвы к Богу, — строго следит за тем, чтобы древнее учение не изменялось. Мы не рассказывали, но слухи всё-таки просочились — ведь как-то мы выжили ночью в лесу.

— Правда. Только, я думаю, это не призраки, а какая-то часть человека, которая не умирает насовсем после нападения Сгустков Тьмы.

Мы поиграли ещё немножко. Пришли Найва с Масей. Общее собрание и музыка в большой пещере закончились, пора была ложиться спать. Серый стал собираться. И тут из стены выплыл призрак бабушки. За руку бабушка тянула кого-то, кто постоянно терял форму и вообще находился не в лучшем виде. Серый открыл рот, чтобы заверещать от ужаса, но я сказал ему: «Молчи!». Серый послушался. Найва сказала: «Привет, бабушка». Серый присмотрелся повнимательнее, узнал нашу бабушку — он помнил её не хуже нас — и успокоился. Тот, кого бабушка тянула за руку, наконец-то смог взять себя в руки, и мы смогли узнать в новом призраке девушку — пилота. Она постоянно теряла форму, у неё изменялось

количество пальцев и форма рук, но она стала хотя бы узнаваемой.

Бабушка обвела нас рукой, показала на девушку и изобразила пальцами идущего человека.

— Она хочет, чтобы вы завтра пошли к кораблю за девушкой? — догадался Серый. Бабушка кивнула, и парочка призраков вернулась в стену.

— Ух, ты, они и вправду существуют! — воскрился Серый, — Можно, я завтра пойду с вами?

Идти решили после обеда — утром у нас по расписанию купание в море. Исккупаться в море нам удаётся очень нечасто, это целое мероприятие, над обеспечением которого работает много людей. С осени по весну вода слишком холодная, чтобы купаться, а летом все взрослые слишком заняты на полях, чтобы отвлекаться на обеспечение всяких забав. Но иногда нам купания всё-таки устраивают, правда, очень редко, и это веская причина для того, чтобы не пропускать ни одно купание. Даже если об этом просят призраки.

Светило сияло с неба, вода была прекрасной. Океанские волны с шумом разбивались о камни преграды, а дозорные, стоявшие над ними и внимательно всматривавшиеся в бурлящие воды, не подавали никаких сигналов тревоги. То есть денёк

был образцово восхитительный.

Наша суша по сравнению с нашим морем является почти безопасным местом. Конечно, на ней встречаются и драконы, и волки, и хищные ящеры, и ядовитые белки, но по сравнению с тем, что живёт в море, они сущие цыплята. В море косяками ходят зубастые рыбы — они нападают на всё плавающее и оставляют от человека один костяк за несколько секунд. В море живут страшные головоноги, у которых длина щупальцев в восемь раз больше роста взрослого человека — такие твари с лёгкостью ловят китов на завтрак. Они способны порвать рыбацкую лодку прямо на весу или утащить человека с корабля, если тот вдруг забудет закрыть входной люк. По этой причине наши рыбацкие лодки выходят в море только зимой, когда головоноги уплывают куда-то в тёплые места, а корабли в море ходят только такие, которые длиннее головонога минимум в двое. Иначе твари утащат его на дно в первые минуты плавания. Никому за время плавания не придёт в голову выйти на палубу, это верная смерть, все наши корабли имеют прочные крыши, из-под которых моряки не высовываются до прихода в порт. По этой же причине на наших кораблях нет парусов — они бывают только гребными. Паруса бывают только на рыбацких лодках, а вот на кораблях их нет — починить заевший или не

поднимающийся парус в море будет некому.

Это не все чудовища, которые обитают в океане. Иногда к берегу прибывает штормом туши китов или головоногов, на их мясе видны следы укусов огромных челюстей. Люди никогда не видели таких существ, а те, кто видели, уже никому не смогут об этом рассказать. Папа говорит, что это либо гигантские акулы, либо морские плавающие ящеры. Как по мне, так это странно — ящеры живут на суше и дышат воздухом, как мы, что им делать в море?

Но в этот день никого из хищников не было в нашем бассейне — небольшой гавани, отгороженной от океана специально установленными огромными камнями, через которые не пробраться ни зубастым рыбам, ни головоногам. Во избежание неприятных неожиданностей на камнях, в специально смонтированных клетках, стояли старшеклассники — ученики седьмых и восьмых классов, и всматривались в воду — всегда остаётся вероятность, что через разъединенные волнами камни прорвётся небольшая акула или зубастая рыба. Такое случалось в прошлом, но сегодня всё было спокойно.

Мы с Найвой, Масей, Серым, Макуной и сотней других друзей весело соскальзывали с покрытых водорослями камней прямо в бурлящие

волны бассейна. Восторженные визги висели над водой непрерывно. Несколько взрослых с улыбками наблюдали за нами сверху. Это были те взрослые, которые несколько минут назад ныряли в воду первыми, с копьями — на случай, если в бассейн проникла незамеченной какая-нибудь маленькая акула.

Мы уже в десятый раз съезжали «очередью» со скользких прибрежных камней и думали, что день удался, когда над водой внезапно поднялся огромный столб. Щупальце головонога! Какое же оно большое, почти до второго этажа, а может быть, и до третьего! Остановиться не было никакой возможности, мы так и плюхнулись в воду, но ещё до того, как солёная вода закрыла нам рты, мы дружно издали тревожный крик «Вау!». Нам самим ничего не грозило, мы были слишком далеко от ограды, а вот дозорные старшеклассники могли пострадать. Головоног начал загибать щупальце, чтобы пошарить в бассейне. Малышня всю гребла к берегу, выходя из зоны досягаемости хищника. А вот дозорные на ограде так и не поняли, откуда грозит опасность — они всё ещё смотрели вниз, в воду. В щупальце полетели стрелы — взрослые сверху начали стрелять, не столько для того, чтобы нанести головоногу ущерб, сколько для того, чтобы дать понять дозорным, откуда надвигается опасность. Для щупальца головонога

наши стрелы — не более, чем для человека заноза. Старшекласники на ограде наконец-то поняли, что им грозит, и начали разбегаться.

Головоног загнул щупальце в бассейн и начал в нём шарить. Из-за высоких камней ограды он мог дотянуться всего до нескольких метров в бассейне, и, конечно, никого не поймал, зато съел одну из дозорных клеток. Все пловцы к тому времени уже были на берегу, последних друзья вытаскивали из воды за руки. Остальные издевательски свистели. Старшекласники тоже успешно достигли безопасной зоны.

Наверху послышался шум, затем раздалось глухое «Бум!», и в головонога полетел горящий моток тряпок, пропитанный маслом. Это принесли катапульту нашего папочки. Особого вреда огонь головоногу не нанёс, зато горящее масло, растекаясь по воде, начало жечь ему щупальца, и головоног уплыл. Они такого не любят.

— А потом нам всем запретили купаться, из-за этого гадкого головонога, — возмущался Серый за обедом у нас дома, поглощая капустный суп. Его родители находились на дальнем поле, и мама пригласила его пообедать у нас.

— Если бы он вернулся и съел кого-нибудь из вас, он показался бы тебе ещё более гадким.

— Ну, да, — согласился Серый после некоторого раздумья.

— Что вам больше нравится: собирать травы на суп или заготавливать тростник на верёвки после обеда? — спросила мама.

Я начал лихорадочно соображать. Резать тростник — та ещё работёнка, листья у него острые, пока его срежешь, он сам тебя десять раз порежет. Собирать кислую траву, так приятно освежающую суп, намного легче. Однако, летающий корабль находится ближе к зарослям тростника. Поэтому я сказал:

— Тростник.

Найва было вскинулась, чтобы обозвать меня дураком, но потом сообразила и промолчала.

— Решено. Отправляйтесь резать тростник.

— Не хочу тростник, — заныл Маса, — он колется.

— Старший мужчина сказал «тростник», значит, ты слушаешься старшего мужчину, — с улыбкой сказала мама.

Маса высказал всё, что он думает о необходимости слушаться старших мужчин и старших вообще, чем вызвал только новые улыбки. Маленьким такое можно — они ещё не знают, что значит Порядок. Этому нас учит Главный Ведун только со второго класса. В законы Порядка входит, между прочим, и такое правило: если старший в группе мужчина говорит кому-то «иди и умри» ради того, чтобы выжили остальные, то для

избранного им человека честью будет умереть. Такое случается довольно часто — когда группу работников, например, застают врасплох хищные ящеры. Пока избранный отвлекает, все остальные спасаются.

Пока я предавался раздумьям о суровости нашего мира, обед закончился.

— Копья не забудьте, ножи, стрелы для самострелов, — напутствовала нас мама, глядя на то, как мы прислонили копья к стенам, пока взваливали на себя заплечные мешки для тростника.

— Мы не забыли, мы мешки одеваем! — дружно запротестовали мы с Найвой.

Серый взял своё копье, прихватил наши, и мы двинулись. На выходе из пещеры двое стражников подпирали ворота, позабыв о долге постоянно следить за обстановкой. Впрочем, их можно было понять: было жарко, и они спрятались в единственном затенённом месте. Мы остановились на выходе, чтобы дать глазам привыкнуть к яркому свету.

— Что-то вы поздновато на работу, — приветствовали нас стражники добродушным подзуживанием.

— Мы с утра заняты были, головонога на живца ловили, — ответила Найва ставшей уже противной от постоянного повторения шуткой.

Стражники захихикали:

— Ну что, поймали?

— Обязательно поймали бы, да только там набежали такие вот громкие как вы, давай шуметь, огненные шары кидать, всю дичь распугали, — ответил Серый.

Стражники довольно загрохотали басовитым смехом. В этот момент какая-то шальная ядовитая белка выскочила у них из-под ног и с перепугу вскочила на Майлайтина, взобравшись по плащу ему прямо на плечо.

— А-ах, — втянули воздух стражники.

— А-ах, — втянули воздух мы с Серым.

Моё копьё было у Серого, копьё Найвы, впрочем, тоже. Дотянуться до белки руками мы не успевали. Маше тысячу раз показывали на картинках опасных зверей дома, тысячу раз им рассказывали об этом в детском саду. Но сейчас Маша не узнал опасного зверька, вместо этого он повернул голову и обрадовано сказал:

— У-у, пушистик!

Белка немного сориентировалась в происходящем, поняла, что забралась не на дерево, и решила, что самым полезным сейчас будет воткнуть ядовитые зубы в Машу. В следующий миг её снёс с плеча брошенный Найвой нож. Найва бросила его без замаха, так, как достала из ножен — рукояткой вперёд. Получилось несильно, но цель

была достигнута. Сброшенная на землю белка унеслась в заросли. Посланные вослед стрелы охранников её даже не испугали. Испуганный Масы не знал, что делать — протестовать против того, что в него кидают ножами, или испугаться чего-то по-настоящему. Найва подобрала нож.

— Это была ядовитая белка, она чуть тебя не загрызла, раззява.

— Только родителям не говорите, ладно? — попросили стражники, мигом оказавшиеся на своих местах — перед створками ворот. Мы великодушно обещали.

Путь до летающего корабля прошел без приключений. У корабля нас уже ждали два призрака: бабушка и девушка — пилот. Они аж подпрыгивали от нетерпения и недовольно размахивали руками. Ну а мы что, виноваты? У нас дел много — и поесть надо, и купание нельзя пропустить, особенно если оно случается всего несколько раз в год.

Перед входом в корабль, ещё до подхода к лесенке, девушка остановила меня и показала длиннущим — длиною, наверное, в мой локоть, — пальцем нажать на едва заметную точку на борту корабля. Я нажал. Из борта корабля выскочила дверка — такая вся рельефная, аккуратная, ни за что бы не догадался, что она тут есть. Внутри обнаружилось несколько рядов кнопок. Девушка

начала показывать, на какие из них нажимать. Я нажимал. Через некоторое время защитное сияние перед входом в корабль погасло. Девушка влетела в дверь, жестами приглашая нас следовать за собой.

— Лейте! — предупреждающе сказала Найва.

— Не дурак, не пойду. Найди мне лучше улитку или ящерицу.

За улиткой пришлось идти почти до леса. Всё это время девушка — пилот стояла в проёме двери и призывно махала подобием руки. Иногда она вообще переставала быть похожей на человека. Наверно, она здорово злилась. Но мы твёрдо решили первыми в люк не входить. Наконец улитка была найдена, и мы закинули её через проём входного люка в корабль. С ней ничего не случилось, полежав минуту на полу, она выползла из раковины и поползла по своим делам. Тогда и мы сочли возможным войти. Серый перепугался трупа у входа и остался снаружи.

Девушка — призрак метнулась в кабину и повторила операцию с нажиманием кнопок. Нажимать кнопки мне пришлось довольно долго, как кнопки на панели управления, так и на боковых панелях. Мне это даже понравилось — будто я сам пилот и управляю кораблём. Обидно было только то, что весь свет в корабле после нажатия последнего выключателя погас, в коридоре остались маленькие — маленькие огоньки. Девушка

— пилот исчезла. Мы Найвой немного покопались в вещах пилотов — они же всё равно мёртвые, им вещи не нужны, правда? Взять удалось немного, большинство помещений было закрыто на ключ, была открыта только одна каюта и пилотская кабина. В корабле было много самых удивительных вещей, но их назначение оставалось неизвестным. Полезных вещей почти не было. Из кабины мы утащили странный топор и пару неплохих ножей, из каюты взяли плед, картинку в рамочке и подушку. Когда мы вернёмся со взрослыми, они, наверное, смогут взять больше.

У выхода нас поджидала девушка — призрак, чуть поодаль вертелся Серый, ещё чуть поодаль стоял молодой хищный ящер. Ящер подумывал съесть Серого, но не знал, насколько опасной может оказаться девушка — призрак, а потому топтался на месте. Серый выпустил в него несколько стрел, но не попал, и теперь вертелся на месте, разрываемый желаниями спрятаться в корабле и страхом перед призраком. Мы достали самострелы, и ящер сразу сбежал — он понял, что одному против четверых ему ничего не сделать. В филевой части у него обнаружилась стрела — не все стрелы моего друга пролетели мимо!

Знаками девушка — пилот показала нам, как закрывать входную дверь. Затем она приказала сжечь её тело. Мы не стали ходить в лес, — ящер

мог вернуться, — и быстренько собрали сухую траву, благо её уже было много. Мы с Найвой перетасили скафандр с девушкой на огромную кучу сушняка. Девушка оказалась на удивление легкой. Серый высек камнем искру, и костёр вспыхнул. На секунду появился призрак бабушки. Призрак девушки последний раз появился над телом, помахал бабушке, нам, а затем стал подниматься над костром, истаявать и в конце концов исчез.

Тростник мы в этот день собирать не стали. Мы решили, что добыча и так хороша, спрятали её в мешки и вернулись домой. Сначала за нас испугались, потом нас ругали за то, что мы могли погибнуть в чужом корабле. Потом мама оглядела плед и подушку, папа — ножи, и взрослые решили, что стоит наведаться в корабль ещё раз.

После краткого перекуса Найва с Макуной начали готовиться к вечернему выступлению. Они одели свои голубые платья из лент, немного повторили танец, а потом заскучали. До выступления оставалось много времени. Мы решили сходить посмотреть на океан, на «kozyрёк» — так назывался небольшой плоский выступ в скале недалеко от входа в пещеру. «Что плохого может случиться с нами внутри Загородки, над входом в пещеру?» — думали мы. Плохое случилось. Не успели мы забраться на скалу, как

Макуна обнаружила гнездо белых шершней. Вредные твари решили, что любимое место для прогулок детей подойдёт им для строительства домика. Нам повезло, что Макуна заметила их первой, до того, как их шершни — воины начали вылетать. Укус белого шершня у половины людей вызывает сильнейшую температуру на две недели, а другая половина сразу умирает. Эти твари ужасно упорные и преследуют всех, кто их потревожит, на протяжении километров. От них бегают даже тигры. Из скалы перед нами вылетела бабушка и показала знаками: «Убегайте!» Но мы и сами понимали, что с шершнями нельзя долго думать, и кинулись вниз.

Вести шершней за собой в пещеру было бы верхом свинства, и потому мы помчались к ближайшему озеру. «Озером» его называли с большой натяжкой, скорее, это была большая лужа, образованная слабым ручейком, стекающим с вершины скалы. Обычно в нём бултыхается малышня. Все, кому больше шести лет, залезать в него считают ниже своего достоинства. Но сейчас нам было не до выбора, достаточно было того, что оно покрывало нас с головой. Мы запрыгнули в лужу и сидели в ней три минуты. Шершни покружили над озером и улетели.

— Красавцы, — оценили нас воины у ворот, глядя на бальные платья девчонок, с которых

стекали грязные потоки. Мы рассказали им, где искать гнездо шершней, и пошли домой. Завтра вождь выделит специальных воинов, которые в толстой одежде пойдут разорять гнездо. Оставлять гнездо так близко к пещере опасно.

Мама Макуны, наша мама и тётя Рупила, руководительница танцевальной группы, очень долго причитали над загубленными платьями:

— Ну и как вы теперь выйдете на сцену, без платьев? Публика не получит никакого удовольствия! Ну почему бы вам ни сидеть дома! — огорчалась больше всех тётя Рупила. Но в итоге всё-таки согласилась, чтобы девчонки выступали в обычном виде, с одними шариками.

Вечером Найва и Макуна выступала на сцене. Их выступление было успешным, даже слишком. В том смысле, что все бросили работу и стали смотреть, как моя сестрёнка с подружкой весело размахивали своими пушистыми шариками на руках, садились на шпагат и вертелись самым непредсказуемым образом. В конце их наградили бурными аплодисментами. Не зря Найва тренировалась столько лет.

Глава 4. Грабёж не удался

Уже с раннего утра мы все, включая дедушку, были у корабля. Мы хотели войти, но тут возникла

заминка. Девушка — пилот показала нам, как закрывать дверь, но не показала, как её открывать. Мы дёргали дверь до боли в руках, но не добились никакого результата. Дёргать за ручки и вертеть их пробовали все, даже дедушка. Папа попытался поддеть её топором, но даже не смог поцарапать. После этого он долго гладил чужой металл, чесал за ушками и протяжно говорил: «Да-а». Я попытался потыкать в кнопки на всё ещё открытой бортовой панели управления, но это было ещё более бессмысленным делом: я не понимал ни одного символа на клавишах. Пока мы мучились, с неба спустился второй летучий корабль. Маша и Найва, стоявшие в дозоре, вовремя заметили его появление, и мы успели отбежать в сторону, как будто это мы тут так просто гуляем. Новый корабль не стал садиться и завис на высоте нескольких человеческих ростов (или роста взрослого хищного ящера).

Новый корабль нёс на борту тот же трёхцветный флаг, но уже с первого взгляда было видно, что это корабль совсем другого типа. Первый корабль был блестящим, гладким, с красивыми линиями — узорами вдоль корпуса. Новый корабль был неопределённого тёмного цвета, который можно было назвать только серо-бурым. Краска местами выцвела, а местами, наоборот, побурела. В некоторых местах были

видны коричневые разводы, будто там текла вода и потом высохла. Кое-где обшивка нового корабля имела хорошо заметные вмятины. Когда из открывшейся двери посыпались высокие, прыгучие, очень резкие и громкоголосые мужики, я даже не удивился. С первого взгляда стало ясно, что те, кто посетил нас в первый раз, были очень молодыми людьми. Теперь к нам прибыли спасатели или воины. Или и то, и другое вместе.

Спасатели не обратили на нас никакого внимания и скрылись в старом корабле. Снаружи осталось только два человека, они заняли места по бокам от входной двери и выставили световые самострелы, настороженно поводя ими из стороны в сторону. Самострелы у них были куда крупнее тех, что были у первой команды. Вскоре спасатели вышли из корабля, некоторые держали в руках какие-то ящики. Сделали они это так быстро, что правильнее было бы сказать «высыпались». Внутри корабля гроыхнуло. Корабль вздрогнул и осел на брюхо, уткнувшись носом в грунт и высоко задрав корму (до этого он стоял на выпущенных опорах). Для корабля этот полёт тоже стал последним. Это была очень грустная картина!

Спасатели бегло осмотрели обгоревший скафандр девушки, расплавили его до состояния маленькой лужицы металла и закопали то, что осталось. После это все члены группы, кроме

одного, собрались под входной дверью своего корабля. Их начали по одному поднимать в корабль каким-то странным способом: ни троса, ни лестницы видно не было, человечек просто вдруг брал и взлетал на уровень двери. Из двери высовывалась рука и втягивала очередного товарища внутрь. Всё это спасатели проделали быстро, молча и деловито, по-прежнему делая вид, что нас нет. И только один из пришельцев соизволил заметить наше существование. Он сделал несколько шагов в нашу сторону и повелительно замахал рукой — подходите, мол. Подошли только мы с папой.

— Мы... плохо молвить ваш язык, — медленно и почти неузнаваемо начал говорить спасатель, — все, кто молвить хорошо и учить ваш молва с детства, есть погибнуть. Погибнуть есть очень удивление. Наши люди очень хороший броня. Ваш планета очень опасный. Мы изучать ваш планета, смотреть сверху — да, садиться — нет. Год после прилететь новые дети, они учить ваш молва и говорить хорошо, до этот срок мы только смотреть. Где ещё два одежда?

Папа стукнул в грудь кулаком и сказал:

— У меня.

— Хорошо. Вы её сожгли перед?

— Да. Людей сожгли и похоронили, забрали только металлическую одежду.

— Хорошо. Можешь оставить себе. Маленький, держи игрушку.

С этими словами спасатель протянул мне маленькую — меньше ладони — собачку. Папа перехватил игрушку ещё до того, как я успел её коснуться, осмотрел и только после этого отдал мне. Получилось не очень вежливо, но спасатель, кажется, не обиделся. Впрочем, об этом тяжело было судить, его лицо едва виднелось за толстым мутным стеклом доспехов.

Мне бы такие доспехи! Ни один ящер такие, наверное, не прокусит. Впрочем, ящеры — такие злые и хитрые бестии, что если они не смогут его прокусить, то тогда просто растопчут, из вредности. Нет, не нужны мне доспехи — только лишняя тяжесть, лучше уж бегать быстрее.

Я взял собачку в руки. Маленькая игрушка, на четырёх лапках, из материала, похожего на кость. Неожиданно спасатель наклонился, протянул руку к собачке и сказал так тихо, чтобы услышать мог только я:

— Иногда я смотреть её глаза и говорить её голос с тобой. Никому не говорить.

Рука у папы дёрнулась к ножу, но спасатель уже распрямился, а затем повернулся и ушел. Через несколько шагов он бросил, едва повернув голову:

— У вас опасный мир. Желаю успешный выживания и хороший охота.

Папочка удивился, услышав знакомое приветствие, но по привычке ответил: «Хорошей охоты». Так у нас всегда говорят, когда хотят вежливо проститься.

Я положил игрушку в карман на поясе и уже собрался начать раздумывать о том, как голос спасателя с летающего корабля может дойти до собачки, как вдруг произошло нечто совершенно неожиданное. Собачка зашевелилась, повернулась и высунула голову из кармана, чтобы наблюдать за происходящим. Это положение ей не понравилось, поэтому она опустила на дно, немного разорвала лапами кожу, высунула голову в дырку, убрала обратно и так и застыла, продолжая наблюдать за обстановкой через дыру. Собачка была живая! Я утаил это событие, чтобы потом поделиться удивлением с Найвой. Родители не поймут, а то ещё и отберут собачку. Ох, что скажет мама, увидев новую дыру!

Разговаривавший с нами спасатель подошел к кораблю, вознёся подобно своим товарищам, помахал нам из проёма и закрыл люк. Корабль начал стремительно подниматься и быстро исчез.

— Даже не верится, что он только что здесь был, — сказал папа.

— В оставшемся корабле могут быть полезные обломки металла, — сказал дедушка. Эта идея сразу привела всех в движение, и мы ринулись

на поиски. Уже заходя в корабль, я услышал, как в лесу что-то подозрительно треснуло. Либо за нами следит голодный хищный ящер, либо кто-то из соседей вскоре составит нам компанию в исследовании корабля.

Насколько же сильно изменился корабль внутри! В прошлый раз от входа вёл чистый, аккуратный коридор с веселенькими картинами на стенах. Теперь же все внутренности корабля представляли из себя мешанину конструкций и разнообразных обломков. Даже не верилось, что негромкий хлопок, который мы слышали, мог вызвать такие чудовищные последствия. Пришельцы, несомненно, обладали огромной мощностью.

Немного подумав, я не стал углубляться в корабль, остался у входа, присматривать за лесом. Не понравились мне эти звуки в лесу. Папа, мама и дедушка пробились через мусор у входа и пропали во внутренних частях корабля. Откуда-то из глубины папа крикнул, чтобы мы оставались у входа, так как здесь темно и легко оцарапаться, но Майлайтин и Найва к этому времени уже скрылись в боковом проходе.

У входа тоже было, чем поживиться. С потолка свисали полосы удивительного светлого металла и порванные взрывом листы обшивки. Пришельцы были высокими, выше наших людей,

так что входной коридор имел в высоту примерно три моих роста. Дело облегчалось тем, что по бокам коридора располагались различные ручки — должно быть, для того, чтобы можно было хвататься при резких поворотах корабля. Я вспомнил, какие резкие повороты закладывал корабль, когда мы в первый раз его увидели, и сразу понял, что он может и переворачиваться — для этого, наверное, и были прикреплены ручки на потолке.

Поглядывая одним глазом на лес, я начал карабкаться вверх. Полосы удивительного светлого металла на ощупь оказались ещё удивительнее — это был мягкий металл, он гнулся даже моими руками! Я почти оторвал одну из полос, когда из леса вышел очень странный волк. Он был меньше обычных волков и не серый, а рыжий. Я замер. Из ниоткуда в воздухе возник призрак бабушки и замахал руками, показывая на волков.

— Мама! Папа! — позвал я, но ответа не получил.

Волк обошел корабль и скрылся в лесу. Через секунду из леса выкатилась целая лавина странных волков. Они бежали молча, тесной группой, так что издали казалось, будто по равнине стелется единое рыжее пятно. Точнее, рыжая река. Их было очень, очень много.

— Тревога! — заверещал я, — К бою! Волки!

Я попытался дотянуться до самострела, но не смог. При моём полуподвешенном положении это оказалось затруднительным. Тем временем волки уже достигли входной двери и полились внутрь корабля. Некоторые из них, завидев меня, пытались подпрыгнуть и укусить, но я успел дотянуться до ножа и встречал их не очень точными ударами. Сильно повредить их мне не удалось, но, получив довольно глубокие царапины, они отказывались от своей идеи и скрывались в корабле. Зато на их месте появлялись новые сородичи. Они снова и снова пытались дотянуться до меня зубами. Где-то в глубине корабля слышались крики Найвы и родителей. Я ничем помочь им не мог. Лавина странных волков всё текла и текла в корабль, и каждый десятый из них пытался начать обед с меня.

Поток прекратился как-то очень внезапно. Только что волков было очень много, вокруг меня щёлкали острые зубы, и вдруг не осталось ни одного. Я достал самострел. Учтывая то, что приходилось держать наготове нож, это оказалось непростым делом. Перехватываясь между ручками, я двинулся по верху коридора в ту сторону, откуда доносились боевые кличи Найвы и отчаянный рёв Маси. Поворачивая за угол, я на секунду утратил бдительность, и этим чуть не воспользовались четверо волков.

Перенося ногу на следующую ручку, я увидел, что на неё уже летит волк, а внизу ждут своей очереди ещё трое его товарищей. Я успел отдёргнуть ногу и вклепить волку стрелу прямо в разинутую пасть, но другой ручки рядом не было! Чтобы не упасть, пришлось упереться в другую стенку коридора. Удивительно, но, несмотря на то, что там не было никакой ручки, нога не соскользнула. Я понял, что, упираясь в одну стенку спиной, а в другую — ногами, могу висеть под потолком коридоров сколько угодно, и даже могу двигаться!

Раненный волк завизжал и рухнул на пол, но другие его товарищи продолжали атаковать. Одного я просто отбил прикладом самострела, второму всадил нож между рёбрами. Третий зарычал, протянул время, выбирая, как лучше прыгнуть, и получил стрелу в брюхо ещё до того, как надумал прыгать. Тот, которого я отбил прикладом, посмотрел на своих умирающих товарищей и решил поискать добычу попроще в другом месте. Я продолжил двигаться в сторону Найвы. Пришлось проползти под потолком метров восемь, пока я не достиг комнаты, в которой держала оборону моя сестра.

Найва стояла на бесформенной куче барахла в углу небольшой комнаты, Мася держался за её спиной. У подножия кучи около двух десятков волков скалили зубы и примеривались, как лучше

прыгнуть. Иногда то один, то другой пытались счастья, но Найва каждый раз отбивала их прикладом самострела или ручкой ножа. Она никак не успевала наложить стрелу: каждый раз приходилось отвлекаться на следующего волка. Было очевидно, что долго так продолжаться не может: если бы волки ринулись на неё все вместе, они задавили бы её массой.

Я взвёл самострел и подстрелили первого волка. Протяжный рёв огласил комнату. Волки завертелись на месте, не понимая, кто в них стреляет. Меня они не видели, я висел в коридоре, за дверью. Я подстрелили второго волка, а затем третьего и четвёртого. Я стрелял, не взводя самострел, а натягивая его руками, как лук. Я подстрелил пятого и шестого, когда волки решили посмотреть в коридоре. Обнаружив меня, они попытались подпрыгнуть и достать меня в полёте. Седьмого я подстрелил ещё на полу, восьмого — в прыжке. Девятый чуть не цапнул меня за ногу, пришлось убрать ногу и стукнуть его прикладом. Едва он упал на пол, как получил стрелу от Найвы и с воем завертелся на месте. Десятого мы подстрелили сразу вдвоём. Остальные волки осмотрели поле боя и поджали хвосты. Убегали они ничуть не менее организованно, чем нападали: рык вожака — и вся стая скрылась за поворотом коридора.

— Йафифиеу, — сказала собачка в кармане. Или что-то похожее.

— А ты что, научился летать? — спросила Найва, — Каким чудом ты под потолком висишь?

— Нет, не научился. Тут ручки везде, а потом, можно распереться спиной и ногами в стенки, и тогда не падаешь даже там, где нет ручек. Лезьте ко мне!

Сестра с братом не заставили себя долго упрашивать и через секунду оказались рядом со мной. Тут выяснилась неприятная новость: у Маси ноги были слишком коротки для того, чтобы распираться в противоположные стенки! Он мог передвигаться только там, где есть ручки! Мы потратили некоторое время, обсуждая решения этой проблемы, но так ничего и не придумали. В конце концов решили двигаться в сторону родителей, а там дальше решить на месте. Но сначала я спустился и подобрал стрелы. У нас их, конечно, много, но волков намного больше...

Судя по вою раненных волков, родители держали оборону в противоположном конце корабля. На наше счастье, коридоры корабля кое-где имели иллюминаторы, а мусора на полу было не так много, чтобы волки могли подобраться слишком близко. Мы карабкались по стенам небольшую вечность, но на пути нам встретилось всего несколько волков. То ли это были волки из

тех, которые уже встречались с нами, то ли они просто не захотели сражаться, но они скрылись раньше, чем мы навели самострелы.

Проблема с преодолением места без ручек решилась неожиданно просто: Мася уцепился за меня, и я его просто донёс до того места, где снова пошли захваты. Поскольку руки у меня были заняты, Найва всё это время страховала нас со взведённым самострелом. Впрочем, волки всё равно не появились.

Папа, мама и дедушка сражались в небольшой комнатке с полуоткрытой дверью. Именно благодаря маленькой щели им удавалось сдерживать всю стаю в добрую сотню голов: стоило кому-нибудь из волков сунуть в щель голову, как её тут же пробивал нож. Сложилась безвыходная ситуация: родители не могли выйти, а волки не могли войти. Мы добавили волкам решимости уйти стрелами в спины. Получив несколько залпов сразу из трёх самострелов (папа или мама добавили ещё пару через щель), волки оттянулись за угол коридора. Оттуда понеслись обиженные рёв и тьякание.

— Мама, папа, вы как? — закричала Найва.

— Найва! Вы живы?

— Да, у нас всё хорошо. Выбегайте и залезайте наверх, тут много ручек.

Вот так. Придумал я, а получилось, будто

Найва всех спасла. За дверью ненадолго замолчали, потом папа сказал:

— Дедушка не сможет. Ему ногу прокусили.

— А давайте тогда нам половину ваших стрел, мы пойдём за волками и будем их отстреливать, пока не отгоним подальше? — предложил я.

— Ишь какой боевой, — с этими словами папа выскочил из двери и мгновенно взобрался под потолок. Как только он достал самострел, за ним последовала мама. Дедушка с другой стороны привалился к двери так, что почти закрыл её, осталась только маленькая — маленькая щёлочка.

— Вот теперь повоюем, — сказал папа, — вперёд!

Но волки не приняли боя. Стоило нам приблизиться, как они утекали подальше, за пределы действия наших самострелов. Мы подстрелили всего трёх зверей. Через некоторое время папе надоело ползать под потолком коридоров, и он решил прорываться на выход вместе с дедушкой. Мы с Найвой остались сзади, сдерживать волков, а папа, мама и Маша полезли вперёд — расчищать путь для дедушки. Затея прошла неожиданно гладко. Волки разбежались перед родителями и не атаковали нас. Когда папа крикнул, что они уже у двери, мы двинулись следом. Волки держались в отдалении.

— Молодцы, — похвалил папа, — теперь

самое трудное. Мы с мамой подхватываем дедушку под руки и бежим к лесу. Вы по очереди оборачиваетесь и стреляете в тех зверей, что высунутся из двери. Майта, ты несёшь дедушкин костыль. Если волки побегут лавной, скажете. Будем действовать быстро — сумеем добежать до деревьев. А там мы столько стрел из веток нарежем, что на всю стаю хватит. Ну что, на счёт «три»?

Было видно, что папа не очень уверен в этом плане, но говорить вслух об этом не стоило. Мы немного отдохнули, папа досчитал до трёх, мы спрыгнули с ручек и понеслись. Я на всякий случай всё-таки прихватил с собою полосу удивительного светлого металла, которую отламывал до нападения. Это оказалась единственная наша добыча за весь день. Волки не сразу рискнули высунуть головы из люка, а когда рядом с ними застучали стрелы, то спрятались. Когда мы были уже в лесу, пять или шесть зверей вышли посмотреть, насколько мы далеко. Мне показалось, что их больше интересовало не то, можно ли сделать из нас обед, а то, ушли ли мы насовсем. Преследовать нас они не стали. Возможно, единственной их целью во всём этом деле было заполучить большую прочную пещеру. Наверное, они думают, что там им не страшны ни хищные ящеры, ни гномы. Но в этом они ошибаются: наше племя не допустит, чтобы такая большая стая

хищников поселилась так близко к пещере.

По пути домой пришлось остановиться. Мама начала перебинтовывать дедушке ногу. Старая повязка, наложенная впопыхах и в темноте, съехала и начала пропускать кровь. Однако, как только мама размотала старую повязку, в лесу раздалось похрустывание. Из-за дерева выплыла бабушка, чтобы предупредить об опасности. Похоже, она теперь постоянно будет оберегать нас. Я посмотрел на папу и увидел, что он тоже услышал. Папа показал мне двумя пальцами на лес, а Найве и Маса на деревья. Мы с папой пролезли под кустами, ограждающими тропу, и углубились в лес. Так и есть: хищный ящер! Он ещё не увидел нас, но уверенно шел по запаху. Папа знаками показал: «Отходим!» Мы вернулись, подсадили дедушку на самое ветвистое дерево и залезли сами. Когда ящер дошел до нашей стоянки, мы были уже высоко на деревьях. Найва с Масей покричали ему разные обидные вещи. Папа попытался выстрелить по глазам, и, конечно, промахнулся — попасть в глаз очень сложно, а кожа у ящеров не пробивается ручными самострелами. Ящер понял, что нас ему не достать, и ушел. Мы выждали несколько минут и двинулись дальше.

По возвращении в пещеру оказалось, что мы были не первыми и не единственными, на кого напали рыжие волки. Они загрызли двух детей у

семьи, работавшей на самом дальнем участке, и догнали одинокую женщину, возвращавшуюся домой по открытому полю. Узнав от папы о месте, которое волки выбрали для жизни, вождь тут же собрал всех мужчин для нападения. Папа тоже хотел пойти, но его вождь не взял, сказал, что он и так устал. В итоге папа остался часовым на воротах.

Дома космическая собачка с интересом исследовала все закоулки нашей семейной пещеры. Во многих местах она удивлённо похрюкивала, почти точно, как сытые овцы. Потом она заинтересовалась шахматными фигурами. Найва в шутку показала ей, как играть, и собачка — о, чудо, — начала вполне осмысленно передвигать фигуры. Что лично меня очень порадовало, а то мне часто приходится играть с Найвой вместо того, чтобы делать игрушечные кораблики. А я их, между прочим, на разные полезные вещи меняю.

Через некоторое время Найва сказала:

— А знаешь, я уже начинаю понимать, что говорит собачка. Когда она довольна, она говорит: «Ух ты!», а когда проигрывает, говорит: «У, блин!».

Я заинтересовался. Спасатель говорил, что иногда будет говорить с нами через собачку. Если он не может выучить наш язык, возможно, мы сможем выучить его? Мы начали экспериментировать, показывая собачке разные предметы. Через некоторое время сомнений не

осталось: собачка говорила не сама по себе, через неё говорил человек, находившийся далеко отсюда. Большинство предметов собачка смогла назвать — сапоги, куртка, кровать, игрушки, нож. Но назначение некоторых предметов было ей неизвестно, и мы продолжили их называть по-нашему. Единственное, что мы не поняли, было слово «блин», но собачка повторяла его очень часто. Играть в новый язык было интересно, и мы быстро выучили много слов, но вскоре пришел злой донельзя папа. Он принёс с собою щенка рыжего волка и сказал, что мужчины племени легко выкурили волков из корабля. В корабль бросили связку горячей дурман — травы, и волки сами покинули корабль, после чего исчезли в неизвестном направлении. Все мужчины принесли с корабля огромное количество обломков разных металлов и прочих интересных штук, и только папе не досталось ничего, кроме щенка, из-за чего он и был запредельно сердит. Его друг нашел в углу корабля двух щенков, которых странные волки бросили в суматохе. Одного он взял себе, а второго отдал папе для детей, то есть для нас.

Папочка сунул щенка Найве со словами: «Позаботься о нём, постарайся приручить», и ушел на кухню, бушевать и жаловаться маме. Из кухни ещё долго несло рычание в духе: «Я же основной механик племени, это я должен был изучать все эти

металлы, а они их просто растащили!»

Но нам было уже не до подслушивания, даже игры с собачкой пришлось отложить, поскольку у нас появилась новая забота. Рыжий щенок был очень умильным, но его надо было кормить. Когда мы нашли ему молока и дали сосать смоченную молоком тряпочку, он заурчал от удовольствия. мех у него был очень гладким и нежным, гладить его было очень приятно. Когда он наедался молока, то свернулся клубочком прямо на руках у Найвы, а потом ещё и сунул носик ей под бок. Так у нас в один день появилось сразу два новых домашних питомца.

Глава 5. Как Найва познакомилась с Лайтой

Лейтане.

Прошел месяц. Щенок научился лакать молоко из блюдца, больше не было необходимости кормить его с тряпочки. Ни одного свободного дня и даже ни одного свободного часа нам больше не выпадало: стояло лето, разные плоды созревали с огромной скоростью, и было необходимо собирать их до того, как за нас это сделают животные или гномы.

Опасаясь нового появления рыжих волков, вождь племени приказал никому небольшими

группами не ходить. Теперь и взрослые, и дети ходили только большими ватагами по пятнадцать — двадцать человек, что было весьма неудобно. Поля у всех семей располагались в разных местах, и как прикажете ходить на работу большими толпами? Поэтому, в нарушение приказа вождя, иногда мы рисковали и ходили небольшими группами.

В тот день нас послали собирать плоды дерева нум. Плоды дерева нум, большие, вкусные, мясистые, сочные, со слегка солоноватым вкусом имели один недостаток: толстую кожуру. Благодаря этой кожуре они могли лежать и не портиться очень долго, много месяцев. Это и было их недостатком, есть их разрешалось только зимой и весной. А как, скажите мне, удержаться, если вы работаете на жаре много часов?

Большинство детей осталось в ближайшей к пещере роще деревьев нум, плоды там были небольшими и не очень вкусными. Мы решили пройти подальше, туда, где деревья были моложе и выше. Идти по тропе было интересно. Летние травы вымахали так, что возвышались над нами на целую руку. Поход по тропе превратился в путешествие по изогнутому ущелью, стены которого были украшены множеством цветов. За каждым поворотом поджидали новые красоты. Остальные дети отстали, восхищаясь цветами, но мы слышали

их голоса немного сзади. Мы разговаривали с собачкой из иного мира и учили её названиям наших трав и цветов. Мы выучили множество её слов и почти всегда понимали, что она говорит.

— У вас так много всего растёт. У вас намного более мощная биосфера, чем на нашей планете, — сказала собачка, обзревая из кармана окрестные виды.

— А что такое биосфера? — спросила Найва.

— Не важно. Это то, что растёт и движется, всё вместе.

Найва начала напевать.

— Почему вы не рыбачите? — вдруг спросила собачка.

— Зимой рыбачим. Летом очень опасно. Головоноги с щупальцами во много человеческих ростов могут утащить любую лодку на дно, разломать её там и вытащить всё содержимое. Морские ящеры тоже не хуже, небольшие лодки они способны просто перекусить пополам. Поэтому мы рыбачим только зимой, когда они все на юг уплывают. У нас по морям ходят только большие корабли, длиной в двадцать — тридцать человеческих ростов, на такие морские хищники не нападают.

— У нас тоже есть такие хищники, акулы называются. Некоторые из них намного длиннее человека, могут его перекусить в воде пополам, или

ногу откусить.

— Они большая угроза? — спросила Найва.

— Человек для них опаснее, чем они для человека. В нашем мире приняты законы, запрещающие убивать их, а то их очень мало осталось, могут исчезнуть. В тех местах, где они на пляжах могут напасть на людей, поставлены длинные сетки, чтобы они не погибали зря.

— А что такое «пляж»? — спросил я.

— Это что-то вроде вашего загончика для купания, только длиной в несколько километров, — ответила собачка.

Я попытался представить себе мир, в котором загончики для купания имеют длину в несколько километров, а люди охраняют головоногов и морских ящеров, и не смог.

— К вам приближаются некоторые летучие твари, — сказала собачка, — они могут быть опасными?

Мы завертели головами, но из-за высокой травы было плохо видно. На всякий случай мы двинулись к ближайшему укрытию.

Когда над нами зашумели крылья гарпий, мы были уже недалеко от камней укрытия. Мы помчались изо всех сил. Уже подбегая к раздвоенному камню, я увидел, что с противоположной стороны к нему бегут другие дети. Мы все не поместимся! Краем глаза я видел,

как сбоку от меня бежит Маса. Значит, отстаёт Найва.

— Найва, беги к другому укрытию! — крикнул я, не оборачиваясь.

Едва забежав в укрытие, я начал доставать самострел. Но это оказалось непросто, поскольку на меня сверху плюхнулся Майлайтин, на него сверху плюхнулся Серый, на него — его подруга по имени Квалта Апельсину, а не неё — ещё одна девочка. После долгой возни, криков: «Кто стоит на моей руке?» и подобных, я смог наконец достать самострел и выглянуть за край убежища. Мне открылась удивительная картина.

Найва не успела добежать до соседнего убежища. Она стояла на полянке под деревьями, на всех ветвях которых сидели гарпии. Но вместо того, чтобы отстреливаться из самострела или убегать, Найва танцевала! И, что самое удивительное, гарпии не атаковали, а внимательно следили за танцем!

— К залпу товсь, — сказал Серый.

— Подождите, — попросил я. Не знаю, что меня заставило так сделать, но я почувствовал, что стоит нам подстрелить хоть одну гарпию, как все танцы Найвы закончатся навсегда.

Найва всё продолжала и продолжала танцевать, а гарпии всё продолжали и продолжали смотреть.

— Она хорошо танцует, — сказала Квалта, подруга Серого.

Одна из гарпий спланировала на землю и принялась кружиться, подражая Найве, но запуталась в траве и упала. Её племя подняло неудачницу на смех. Найва незаметно отступила в тень от дерева, под ветки. Но гарпии уже забыли о ней думать, ещё двое, а потом трое гарпий спустились на землю, чтобы попробовать потанцевать. В высокой траве у них ничего не получилось, и вся стая разразилась криками: «Летим на скалы!», «Летим на скалы!». Все гарпии, в том числе неудачливые танцовщицы, поднялись в воздух и улетели в какое-то известное только им место. Найва, вся белая от пережитого страха, вышла из-под деревьев.

Вся толпа наконец-то начала сползать с меня. Я еле дышал, мне пришлось отдохнуть немного после того, как все выбрались из убежища.

— Почему вы не стреляли? — спросила Найва.

— А почему ты танцевала? — спросил Серый.

— Ну, когда увидела, что до убежища не добегу и что никто из любезных родственников меня защищать не будет, решила, что раз уж меня съедят сегодня гарпии, то хоть потанцую перед смертью.

— А мы когда увидели, что ты танцуешь, и

что гарпии не атакуют, решили подождать, — сказал Серый, — похоже, нам повезло.

— Повезло, — сказала Найва, глядя куда-то мимо меня.

— Теперь я знаю, что летающие гарпии опасны, — сказала собачка мне на ухо, — буду предупреждать вас заранее.

— А откуда ты знаешь, что они близко?

— Мой корабль висит высоко над вами. Так высоко, что ты даже представить не можешь, но у меня есть такие устройства, с помощью которых я могу увидеть даже то, что ты напишешь крупными буквами.

Я закрыл глаза собачке и протоптал в траве надпись «Найва».

— Так, сейчас наведу оптику... Найва, — сказала собачка. Я удивился.

Немного передохнув и придя в себя, мы двинулись дальше. Оказалось, что Серый и его подруги тоже решили пройти к дальним деревьям, но они шли другой тропой и потому увидели гарпий раньше нас.

— А как вы узнали, что гарпии близко, вы же были за лесом? — спросил Серый. Я сделал вид, что не расслышал.

Мы довольно далеко отошли от прежнего убежища, когда собачка сказала:

— Приближается дракон.

Я начал вспоминать известные мне убежища в этой части леса. Я закричал Найве и Серому, чтобы они бежали вперёд, к ближайшему убежищу, а мы со всеми остальными побежали в противоположном направлении, к убежищу, которое было подальше от дракона.

Найва.

Мы мило беседовали с Серым, когда Лейте закричал, что приближается дракон. Я знала, что собачка способна на разные фокусы, и потому поверила сразу. Мы с Серым побежали к ближайшему убежищу. Когда мы подбежали, там уже сидела девушка из шестого класса, я её видела в школе, но не знала, как зовут. Прибежали мы в самый последний момент: дракон уже готовился нас схватить. Мы юркнули между расщелиной в камнях, и когти дракона проскребли по камню, никого не повредив.

— Привет, — сказала я, — как тебя зовут?

— Лайта. А вас?

— Лайта? Вот здорово! У меня есть брат, и я часто зову его «Лейте». Давай ты будешь моей подругой, и тогда у меня будет и Лайта, и Лейте! Я — Найва, а это — Серофан Висалу, но все зовут его просто Серым.

Девушка улыбнулась.

— Привет, я — Серый, — сказал Серый,

поднимая руку. Дракон попытался засунуть коготь в расщелину и чуть не попал по поднятой руке Серого.

— Уйди, противный, — сказал Серый, пережив первый испуг. Мы с Лайтой засмеялись. У неё был открытый, дружелюбный смех. Мне подумалось, что Лайте — хорошая девочка, которая действительно сможет стать моей подругой, хотя и намного старше меня.

— А ты чего здесь одна сидишь? — спросила я.

— Гарпии летели, пришлось спрятаться, — ответила Лайта, так и не ответив на вопрос, почему она ходила по лесу одна.

Дракон наверху взревел от бессильной ярости, и я забыла переспросить её об этом, поскольку пришлось зажимать уши руками. Когда рёв утих, я сказала:

— А давайте загадывать друг другу математические загадки?

— Ты любишь математические загадки? — удивилась Лайта.

— Конечно! Математика — это так весело! Вот например, известная загадка: «Что тяжелее, килограмм железа или килограмм пуха?»

— Конечно, железа, железо тяжёлое, — ответила Лайта. На лице у Серого появилось озадаченное выражение, а я засмеялась:

— Но их же по килограмму! Они весят одинаково. Правда, смешная загадка? Нас папа всё детство такими загадками мучил.

— Смешно, — согласилась Лайта.

Дракон наверху попытался отковырнуть камень, составлявший крышу убежища. Ему это почти удалось.

— А какие ты ещё загадки знаешь? — спросила Лайта.

— Ну, вот, например, как соединить девять точек, три ряда по три, образующие квадрат, четырьмя линиями, не отрывая руки?

Мы с Серым немало потешились, глядя на мучения Лайты. Папа загадывал нам эту загадку ещё во втором классе, и мы оба знали её разгадку. Для решения задачи надо выходить линиями за пределы квадрата, а все почему-то думают, что рисовать можно только в квадрате. Лайта пошла по общему пути, но довольно быстро смекнула, что к чему.

— А какие ты математические загадки знаешь? — спросила я. Лайта надолго задумалась, потом сказала:

— Как рассчитать дальность полёта стрелы, если её выпустили из баллисты под углом тридцать градусов к горизонту и со скоростью сто метров в секунду?

— А что, это возможно? — удивились мы с

Серым.

— Возможно. Для этого надо решать квадратное уравнение, а для этого надо знать, что такое квадратная функция. Нас в школе только что научили.

Мы с Серым преисполнились большого уважения к той, которая знала, что такое квадратная функция.

— А ты какой класс закончила?

— Шестой.

— А мы с Серым второй.

Дракон наверху ещё раз взвыл и со всей мощью обрушился на наше каменное убежище. Камни немного подались, с потолка посыпалась земля, но убежище выстояло.

— Да, баллиста нам бы сейчас не помешала, — мечтательно протянул Серый.

Дракон сделал несколько кругов по поляне перед убежищем, захлопал крыльями и улетел. По всем правилам, которым нас учили на природоведении, выходить из убежища можно не ранее получаса после ухода дракона. Драконы — хитрые твари, иногда они делают вид, что улетают, а на самом деле возвращаются и садятся в засаду.

— Ещё загадки знаете? — спросила Лайта.

— Ага. За хлеб заплатили монету и ещё полцены. Сколько стоит хлеб? — спросила я.

— Полторы монеты, — дружно сказали

Серый с Лайтой.

— Неправильно!

Мои друзья мне не поверили, и следующие четверть часа мы провели, горячо споря о решении этой задачи. В конце концов мне это надоело, и я спросила:

— А квадратная функция — это сложно?

— Нет, это число, умноженное само на себя.

Сложнее всего — это обратное действие, найти число, когда известен только его квадрат. Приходится много раз умножать разные числа сами на себя, чтобы понемногу приблизиться к правильному решению, его ещё называют корнем.

Эта задача меня заинтересовала.

— То есть если квадрат девять, то корень — три?

— Да. А если квадрат шестнадцать, то корень из него — четыре. Сложнее, если число промежуточное, например, восемь.

— Мы еще нецелые числа не проходили.

— Ну тогда попробуй найти корень из восьмиста, это то же самое, только в десять раз больше число и в сто раз больше квадрат.

Я начала в уме прикидывать разные варианты и вскоре спросила:

— Корень из восьмиста — примерно двадцать восемь?

— Не знаю, — удивилась Лайта, — похоже,

ты действительно любишь математику.

Потом они с Серым начали меня проверять, и за это время минули те полчаса, которые полагалось ждать дракона. Мы начали выползать из убежища, когда вдалеке послышались крики. По голосу я узнала Лейте и Масю.

— Теперь мы точно можем быть уверены, что дракон не вернётся, — сказал Серый.

Мы осторожно приблизились, готовые в любую секунду удрать обратно в убежище. Но оказалось, что тревожные крики Лейте и Маси относились совсем не к дракону, а к древесным мартышкам. Эти безобидные в обычное время существа сейчас занимались тем, что активно собирали орехи нум с тех деревьев, до которых мы так и не дошли. Я быстренько переговорила с Лейте — дракон наведаясь к их убежищу, попробовал его на прочность и сразу улетел. Всё то время, пока мы прятались от дракона, они весело играли в слова и очень хорошо провели время. Я представила Лейте Лайту, они поздоровались, но разговаривать не стали — нужно было прогонять мартышек. Работа эта непростая, мартышки очень ловкие, а между конечностями у них кожаные перепонки, благодаря которым они могут планировать от дерева до дерева и не разбиваться, если упали. Единственный способ их прогнать — это кидаться камнями и